

В. А. Томсинов
Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 - 1954):
государственный деятель
и правовед

Часть 6
Подготовка судебного процесса
над Н.И. Бухариным

Опубликовано:
Журнал «Законодательство»
2019. № 4. С. 86-94. 2019. № 5. С. 86-94. № 6. С. 86-94.
№ 7. С. 86-94.

1

За месяц до открытия в Москве судебного разбирательства по делу антисоветского троцкистского центра, в меньшевистском журнале «Социалистический вестник», издававшемся в Париже в качестве «Центрального органа Российской социал-демократической рабочей партии», была напечатана первая часть очерка «Как подготовлялся Московский процесс», представленного в виде письма старого большевика¹. 17 января 1937 года журнал опубликовал вторую, заключительную его часть². Очерк показывал настроения, доминировавшие в правящем слое Советского государства в первой половине 1930-х годов, и раскрывал подоплеку ожесточенной борьбы между различными группировками внутри ВКП (б).

В нем утверждалось, что развитие ситуации, сложившейся в партийном руководстве после убийства Кирова, идет не к «установлению замирения внутри партии, а к доведению внутривнутрипартийного террора до его логического завершения: к периоду физического уничтожения всех тех, кто по своему партийному прошлому может стать противником Сталина, кандидатом в его наследники у кормила власти».

Далее в очерке сообщалось, что процессы и расследования, которые велись в СССР после дела Кирова, с несомненностью показали усиление в большевистской партии оппозиционных настроений по отношению к сталинской диктатуре, нарастание отрицательного отношения старых большевиков к Сталину, и что из этого факта большевистский диктатор сделал «безбоязненные выводы»: он решил, что главной причиной неприятия ими политики руководства ВКП (б) являются самые основы их психологии³.

Старый большевик, от лица которого был написан очерк «Как подготовлялся Московский процесс», хорошо знал, какими умо-настроениями был проникнут правящий слой Советского госу-

---

¹ Как подготовлялся московский процесс (Из письма старого большевика)
// Социалистический вестник. 1936. № 23-24. С. 20–23.

² Как подготовлялся московский процесс (Из письма старого большевика)
// Социалистический вестник. 1937. № 1–2. С. 17–24.

³ Как подготовлялся Московский процесс (Из письма старого большевика)
// Социалистический вестник. 1937. № 1–2. С. 23.

дарства, сформировавшийся в результате революции и гражданской войны, ведь он сам являлся его частицей. Судьба этого слоя была и его собственной судьбой. Сделанное им признание о психологическом складе большевиков-революционеров и будущей их участи звучало поэтому особенно трагично: «Выросшие в условиях революционной борьбы против старого режима, мы все воспитали в себе психологию оппозиционеров, непримиримых протестантов. Хотим мы этого или не хотим, наш ум работает в направлении критики всего существующего, мы всюду ищем прежде всего слабые стороны. Короче, мы все — не строители, а критики, разрушители. В прошлом это было хорошо, теперь, когда мы должны заниматься положительным строительством, это безнадежно плохо. С таким человеческим материалом скептиков и критиканов ничего прочного построить нельзя, а нам теперь особенно важно думать о прочности постройки советского общества, так как мы идем навстречу большим потрясениям, связанным с неминуемо нам предстоящей войной»⁴.

Непригодность старых большевиков, находившихся в плену революционных и воинственных настроений, для выполнения созидательных функций была очевидной: Сталин осознал это едва ли не раньше всех своих соратников. «И вывод, который он сделал отсюда, — отмечалось в рассматриваемом очерке, — ни в коем случае нельзя назвать робким: если старые большевики, та группа, которая сегодня является правящим слоем в стране, не пригодны для выполнения этой функции в новых условиях, то надо как можно скорее снять их с постов, создать новый правящий слой. В планах Кирова примирение с беспартийной интеллигенцией, вовлечение беспартийных рабочих и крестьян в общественную и политическую жизнь страны было средством расширения социальной базы власти, средством сближения последней со всеми демократическими слоями населения. В плане Сталина те же мероприятия приобрели совсем иное значение: они должны помочь такой перестройке правящего слоя страны, при которой из его рядов были бы изгнаны все зараженные духом критики и был бы создан новый правящий

---

⁴ Там же.

слой с новой психологией, устремленной на положительное строительство»⁵.

В тексте очерка «Как готовился Московский процесс» отразилось явное беспокойство «старых большевиков», выступавших с критикой партийного руководства, за свою жизнь. «Среди предсмертных заветов Ленина, — отмечалось в нем, — едва ли есть хотя бы один, за который так цепко держалось бы наше "партруководство", как за его настоятельный совет не повторять ошибки якобинцев — не вступать на путь взаимного самоистребления. Считалось аксиомой, что в борьбе с партийной оппозицией можно идти на многое, только не на расстрелы. Правда, кое-какие отступления от этого правила делались уже давно: расстреляли Блюмкина, расстреляли еще нескольких троцкистов, которые по поручению своей организации пробрались в секретный отдел ГПУ и предупреждали своих товарищей об имеющихся в их среде предателях, о предстоящих арестах. Но эти расстрелы всеми рассматривались как мера исключительная, применяемая не за участие во внутрипартийной борьбе, а за измену служебному долгу»⁶.

Завершалось «письмо старого большевика» предельно пессимистическим признанием: «Все мы, большевики, у кого есть мало-мальски крупное дореволюционное прошлое, сидим сейчас каждый в своей норке и дрожим. Ведь теоретически доказано, что мы являемся все нежелательным элементом в современных условиях»⁷.

Английский перевод данного «письма», вышедший в свет в 1937 году отдельной брошюрой в нью-йоркском издательстве «Rand school press», был назван «The Letter of an old Bolshevik: a key to the Moscow trials (Письмо старого большевика: ключ к московским процессам)». Это название придавало особое значение изложенному в нем объяснению мотивов, побудивших Сталина предать суду своих прежних соратников большевиков-революционеров. Переводчик отметил в своем предисловии к тексту «письма», что оно дает ключ не только к подробностям двух широко известных московских процессов,

⁵ Там же.

⁶ Как готовился Московский процесс (Из письма старого большевика)
// Социалистический вестник. 1936. № 23–24. С. 20.

⁷ Там же. С. 24.

но и к событиям, предшествовавшим процессам и следующим за ними. Он помогает нам понять смысл того, что случилось в Советской России после убийства Кирова, продолжающуюся и непрерывную волну террора, в том виде как она отражается в ежедневных телеграммах из Москвы, перетряску, идущую во всех важных подразделениях коммунистической партии, советского правительства и армии. С ключом, который содержится в письме, читатель будет в состоянии сам определить перспективу советских событий, различить *dichtung und wahrheit* (вымысел и правду) в московских процессах, в событиях, произошедших после них и тех, что еще произойдут»⁸.

Указав, что «Письмо старого большевика» бросает озаряющий свет (*illuminating light*) на весь судебный процесс, переводчик уверенно предположил, что оно было написано в Москве после зиновьевско-каменевско-смирновского процесса»⁹. В действительности история появления этого текста оказалась несколько иной и более интересной.

Человек, написавший его, скрылся за инициалами Y.Z. Двадцать семь лет спустя станет известно, что им был историк революционного движения, архивист и публицист *Борис Иванович Николаевский* (1887–1966). В интервью, данном в Нью-Йорке 30 января 1964 года двум американским политологам и историкам – Северину Бялеру (*Seweryn Bialer*) и Жанет Загория (*Janet Zagoria*), – он признался, что опубликованное им в накануне московского судебного процесса по делу об антисоветском троцкистском центре «Письмо старого большевика» базировалось в значительной степени на его беседах с Н.И. Бухариным¹⁰, состоявшихся в марте и апреле 1936 года в Париже. Николай Иванович приехал сюда вместе с директором Института Маркса-Энгельса-Ленина В.В. Адоратским, зав. архивом данного института Г.А. Тихомирновым и председателем Всесоюзного общества

⁸ *Portnoy S.A. Translator's Preface // The Letter of an old Bolshevik: a key to the Moscow trials. New York, 1937. P. 8.*

⁹ *Ibid. P. 3.*

¹⁰ *An Interview with Boris Nicolaevsky // Nicolaevsky B.I. Power and the Soviet Elite. "The Letter of an Old Bolshevik" and Other Essays / Edited by Janet D. Zagoria. New York, Washington, London, 1965. P. 4–5, 8.* В переводе на русский язык данное интервью было впервые опубликовано в декабре 1965 г. См.: Бухарин об оппозиции Сталину. Интервью с Б.И. Николаевским // Социалистический вестник. 1965. № 4. С. 81–102.

культурной связи с заграницей А.Я. Аросевым для ведения переговоров о покупке архива СДПГ, в составе которого находились рукописи К. Маркса и Ф. Энгельса¹¹.

«Я должен пояснить, — говорил Б.И. Николаевский в упомянутом интервью, — что “Письмо” было первоначально написано не в виде размышлений “Старого большевика”, но как изложение моих бесед с Бухариным. Ф.И. Дан, тогдашний редактор “Социалистического вестника”, попросил меня переписать его, что я и сделал, потому что он чувствовал, что простой рассказ самого “большевика” был бы лучше. Поэтому документ появился без комментариев. Хочу также добавить, что рассказ Бухарина доходил только до начала 1936 года. Наши встречи имели место весной этого года. О позднейших событиях я писал, полагаясь на сведения из других источников, прежде всего от Шарля Раппопорта, хорошо известного русско-французского коммуниста, который вследствие зиновьевско-каменевского процесса начал отходить от коммунизма и охотно делился со мной своей обширной информацией»¹².

Очерк, написанный Б.И. Николаевским от имени некоего «старого большевика», порывал с распространенным и в Советском Союзе и за границей объяснением московских судебных процессов над троцкистами с точки зрения внутрипартийной фракционной борьбы или с позиции личных взаимоотношений между большевистскими вождями. В частности, автор отказывался видеть в этих событиях следствие личной неприязни Сталина к Троцкому, заметно проявлявшейся еще в первые годы существования Советского государства и резко обострившейся с конца 1920-х годов¹³.

Против понимания московских процессов августа 1936-го и января 1937 годов как результата личного конфликта между больше-

---

¹¹ В письме к А.М. Дольбергу от 21 сентября 1957 г., Б.И. Николаевский писал о своих встречах с Бухариным: «У меня с ним было много интересных разговоров в 1936 г., когда он приехал во главе особой комиссии ЦК для покупки архива Маркса, который я вывез из гитлеровской Германии и хранил тогда в Париже». «С Бухариным в течение почти двух месяцев я встречался почти каждый день и очень много с ним говорил на самые разные темы», — вспоминал Борис Иванович в письме к С.М. Шварцу, датированном 26 июля 1965 г.

¹² *Nicolaevsky B.I. Power and the Soviet Elite*. P. 9.

¹³ См., напр.: *Волкогонов Д.А. Троцкий. Политический портрет*. М., 1998. Кн. 2. С. 97.

вистскими вождями резко выступали и Сталин, и Троцкий, но их объяснения этого явления были, по вполне понятным причинам, слишком искажены идеологическими соображениями.

Взгляд Сталина на судебные процессы против троцкистов в полной мере выразил А.Я. Вышинский в обвинительной речи, произнесенной 28 января 1937 года на процессе по делу анти-советского троцкистского центра. Следствием установлено, сообщил он, что на основе программы Троцкого Радек, Пятаков и их сообщники вступили и вели переговоры с иностранными агрессорами, с их представителями, ожидая от них военной помощи и обещая им различные экономические и политические выгоды, вплоть до уступки части советской территории. Предатели шли на все, даже на распродажу родной земли»¹⁴. Указав далее, что пойдя на самую черную измену, троцкисты пали ниже последнего деникинца или колчаковца, прокурор СССР заявил: «Напрасно было бы изображать дело так, будто здесь идет борьба, спор между двумя фракциями, одной из которых повезло, и она пришла к власти, а другой не повезло, “не пофартило”, и она к власти не пришла. Тут идет борьба не на жизнь, а на смерть между двумя программами, двумя противоположными системами принципов, враждебными друг другу направлениями, взглядами, отражающими эти принципы. Этой черной программе троцкистов мы противопоставляем свою программу ликвидации капитализма, ликвидации всех остатков капитализма в нашей стране. Вся Советская страна, рабочие, крестьяне и интеллигенция, под руководством нашей великой партии, партии Ленина — Сталина, под руководством нашего великого вождя и учителя Сталина героически борется за эту программу, неустанно трудится на укрепление нашей государственной независимости, самостоятельности и неприкосновенности наших границ и нашей земли»»¹⁵ (выделено мною. — В.Т.).

Троцкий считал московские процессы закономерным результатом контрреволюционного перерождения Советского государства. Октябрьская революция совершалась под знаменем равенства, но в

¹⁴ Речь государственного обвинителя прокурора СССР тов. А.Я. Вышинского // Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. С. 195.

¹⁵ Там же.

первой половине 1930-х годов в СССР сформировалась, по его словам, «новая аристократия» в лице бюрократии. Она присвоила себе общественную собственность и стала пожирать «огромную часть национального дохода», создавая в советском обществе «чудовищное неравенство». Это вызвало волну народного недовольства. Обрушивать же на голову недовольных кровавые репрессии только потому, что они требовали уменьшения привилегий, бюрократия не могла. «Подложные обвинения против оппозиции» стали поэтому, утверждал Троцкий, «не случайными актами, а системой, вытекающей из нынешнего положения правящей касты»¹⁶.

Свой конфликт со Сталиным Лев Давидович, так же как и его противник, старался представить в виде борьбы противоположных политических программ. «Мы, со своей стороны, — заявлял он, — считаем сталинцев предателями интересов советских народных масс и мирового пролетариата. Нелепо объяснять столь ожесточенную борьбу личными мотивами. Дело идет не только о разных программах, но о разных социальных интересах, которые все более враждебно сталкиваются друг с другом»¹⁷.

Бюрократия — необходимый элемент любого современного государства. Чем больше функций берет на себя государственная власть, тем крупнее и влиятельнее становится ее исполнительный аппарат — бюрократическая система государственного управления. Рост бюрократии начался еще в первые годы существования Советского государства, вследствие широкомасштабного огосударствления экономики. И уже тогда советская бюрократия показывала в своей организации и деятельности серьезные пороки. Превращение Советского государства к середине 1930-х годов в индустриальную державу с коллективизированным сельским хозяйством закономерно вело к резкому расширению государственного аппарата. Бюрократия становилась огромной по своим размерам и могущественной по влиянию на общество корпорацией. Однако сама по себе данная трансформация свидетельствовала скорее о

---

¹⁶ Троцкий о процессе (Речь к американским рабочим) // Бюллетень оппозиции (большевик-ленинцев. 1937. № 54–55 (март). С. 8.

¹⁷ Там же.

дальнейшем развитии Советского государства, нежели о его классовом перерождении.

Троцкий не мог не понимать этой закономерности. В статье «Классовая природа Советского государства», опубликованной еще в октябре 1933 года в «Бюллетене оппозиции», он писал: «Бюрократия не господствующий класс. Но дальнейшее развитие бюрократического режима может привести к возникновению нового господствующего класса: не органическим путем перерождения, а через контрреволюцию»¹⁸. Поэтому объясняя московские процессы над троцкистами стремлением бюрократии сохранить репрессивными методами свое господствующее положение в стране, Лев Давидович в качестве признака контрреволюционного перерождения Советского государства называл «грандиозную перетасовку личного состава», выдвинувшую на влиятельные должности в органах государственной власти бывших меньшевиков и даже людей, боровшихся с большевиками в стане белогвардейцев. Он приводил много случаев такой «перетасовки» в тексте вышеупомянутой речи перед американскими рабочими, написанном 9 февраля 1937 года¹⁹, но самым очевидным

¹⁸ Троцкий Л.Д. Классовая природа советского государства. (Проблемы Четвертого Интернационала) // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1933. № 36–37.

¹⁹ «Кто писал отвратительные пасквили на подсудимых в «Правде»? — восклицал Троцкий и отвечал: — **Заславский**, бывший столп банковской газеты, которого Ленин в 1917 году именовал в своих статьях не иначе, как “негодяем”». Далее он рисовал еще более мрачную для стойкого большевика-революционера картину: «Бывший редактор «Правды», **Бухарин**, старый большевик, арестован. Главным столпом «Правды» состоит Михаил **Кольцов**, буржуазный фельетонист, который всю гражданскую войну провел в лагере белых. **Сокольников**, участник Октябрьской революции и гражданской войны осужден, как изменник. **Раковский** ждет обвинения. Сокольников и Раковский были послами в Лондоне. Их место занимает ныне **Майский**, правый меньшевик, который во время гражданской войны был министром белого правительства на территории Колчака. **Трояновский**, советский посол в Вашингтоне, объявляет троцкистов контрреволюционерами. Сам он, в первые годы Октябрьской революции состоял в центральном комитете меньшевиков и примкнул к большевикам лишь тогда, когда они стали раздавать привлекательные посты. До того, как стать послом, Сокольников был народным комиссаром финансов. Кто занимает ныне этот пост? **Гринько**, который вместе с белогвардейцами боролся в 1917–1918 гг. в Комитете Спасения против Советов. Одним из лучших советских дипломатов был Иоффе, первый советский посол в Германии, которого травлей довели до самоубийства. Кто заменил его в Берлине? Сперва раскаявшийся оппозиционер Крестинский, затем **Хинчук**, бывший меньшевик, участник контрреволюционного Комитета Спасения, наконец **Суриц**, тоже прошедший 1917 год по другую сторону баррикады. Эту переключку я мог бы продолжить без конца» (Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1937. № 54–55 (март). С. 8).

свидетель-ством контрреволюционности сталинской политики считал пребывание на должности прокурора СССР и, следовательно, главного обвинителя в московских процессах **А.Я. Вышинского**.

29 января 1937 года, на следующий день после того, как Андрей Януарьевич произнес свою обвинительную речь на процессе антисоветского троцкистского центра, Троцкий набросал следующую весьма примечательную заметку о нем: «Прокурор Вышинский — не только прокурор, но и символ. Самой судьбою он призван защищать Октябрьскую революцию от старых большевиков. В 1905 году Вышинский был короткое время меньшевиком, затем бросил политику и помирился с режимом царизма. В 1917 году, после низвержения царя, он снова перекрашивается в меньшевика, ведёт бешеную борьбу против Октябрьской революции, а после её победы исчезает на три года с политического горизонта: Вышинский выжидает. Только в 1920 году этот господин вступает в партию большевиков. Ныне он спасает Октябрьскую революцию от всех тех, которые её совершили»²⁰.

«Письмо старого большевика», написанное Б.И. Николаевским на основе бесед о московских процессах с Н.И. Бухариным и другими коммунистами, давало объяснение репрессиям против большевиков-революционеров с позиции интересов Советского государства. Столкнувшись с необходимостью решать значительно более сложные задачи во всех сферах общественной жизни, нежели те, которые стояли перед ним прежде, оно одновременно вынуждено было развернуть широкомасштабную подготовку к противостоянию военной агрессии со стороны ведущих мировых держав, вероятнее всего — Германии и Японии, но возможно и ряда других стран. Новые внутривнутриполитические задачи и внешнеполитические вызовы, вставшие

---

²⁰ *Trotsky L.D. Prosecutor Vyshinsky // Writings of Leon Trotsky [1936–1937]. New York, 1978. P. 164.* Эта весьма любопытная заметка была сначала опубликована на испанском языке в сборнике статей Троцкого о прошедшем в Москве в конце января 1937 г. судебном процессе по делу антисоветского троцкистского центра, изданном столичным мексиканским издательством «Новая эра (Nueva era)». См.: *Trotsky L. El proceso de Moscu; la intriga mas Grande de la Historia Mexico, 1937.*

перед Советским государством, потребовали притока в органы государственной власти и в аппарат управления новых людей. Большевики, чей характер и мировоззренческие установки сложились в годы подпольной революционной борьбы и в условиях многолетней гражданской войны, в массе своей не могли стать проводниками и рычагами новой государственной политики. Их надо было удалять из пор советской государственности, заменять на других, более молодых и образованных людей, характер и мировоззрение которых не были искорежены разрушительной революцией и кровавой гражданской войной, не были отравлены ядом антигосударственного «коммунистического интернационализма». Страна стояла перед очевидной и неминуемой угрозой военного удара со стороны Западной Европы, поэтому обновление кадрового состава ее государственности необходимо было произвести насколько возможно быстро.

Очерк Б.И. Николаевского «Как подготовлялся Московский процесс» показывает, что среди большевиков были люди, которые вполне это понимали, раз могли сказать: *«Мы все – не строители, а критики, разрушители. В прошлом это было хорошо, теперь, когда мы должны заниматься положительным строительством, это безнадежно плохо»*. Такое признание было сделано при обсуждении репрессивной политики Советского государства, следовательно в этой среде существовало и понимание того, что она стала проводиться и принимать значительно более широкий масштаб и жестокий характер, чем прежде не только из-за стремления покарать преступников, но и по другим, более скрытым, менее заметным мотивам. На эту мысль наводили следующие слова «старого большевика», от имени которого Николаевский написал указанный очерк: *«С таким человеческим материалом скептиков и критиканов ничего прочного построить нельзя, а нам теперь особенно важно думать о прочности постройки советского общества, так как мы идем навстречу большим потрясениям, связанным с неминуемо нам предстоящей войной»*²¹. Это горькое признание Борис Иванович вероятней всего услышал от Н.И. Бухарина во время бесед с ним в марте и апреле 1936 года. Думать так заставляло содержание

---

²¹ Как подготовлялся Московский процесс (Из письма старого большевика)
// Социалистический вестник. 1937. № 1–2. С. 23.

письма, которое Николай Иванович написал И.В. Сталину 10 декабря 1937 года²². В этом послании было изложено точно такое же понимание смысла политических репрессий, развернувших в то время в СССР, как и в «письме старого большевика», составленном Б.И. Никольским и опубликованном почти за год до этого в «Социалистическом вестнике».

Письмо Бухарина было похоже на исповедь и на прошение одновременно. Он исповедовался перед Сталиным (человеком, который мог стать, но не стал священником) и в то же время просил у него прощения — «прошу у тебя последнего прощенья (душевного, а не другого)». Он просил у него прощенья и одновременно уверял его, что невиновен в тех преступлениях, в которых был обвинен и которые подтвердил на следствии. Николай Иванович не раз показывал себя малодушным и слабохарактерным человеком, но прощения у Сталина он просил не из-за страха перед смертью. «Мне легче тысячу раз умереть, чем пережить предстоящий процесс, — признавался он, — ... Я бы позабыв стыд и гордость, на коленях умолял бы, чтобы не было этого. Но это, вероятно, уже невозможно, я бы просил дать мне возможность умереть до суда»²³.

Бухарин понимал:

— что политические репрессии, обрушенные Сталиным и его сторонниками в партийном и государственном руководстве на большевиков-революционеров, имели в своем основании не только их личные устремления, не только их желание окончательно разгромить оппозицию и тем самым удержать в своих руках власть над страной, но также государственные интересы;

— что решительность и жестокость Сталина в борьбе с бывшими большевистскими вождями проистекала не только и не столько из его человеческих качеств (мировоззрения, черт характера, особенностей психологического склада личности), но, пожалуй, в большей мере из предельно отчетливого сознания своей правоты, из убежденности, что в сложившихся к середине 1930-х годов условиях существования советской страны политические репрессии оказались единственным

---

²² Оригинальный текст этого письма хранится в Архиве Президента Российской Федерации (Ф. 3. Оп. 24. Д. 427. Л. 13–18. Машинописная копия. Л. 19–22. Автограф).

²³ «Прости меня, Коба...». Неизвестное письмо Н. Бухарина // Источник. Документы русской истории. 1993. № 0. С. 24.

лекарством, способным не только сохранить жизнь молодому государственному организму, но даже оздоровить его.

В письме к Сталину Бухарин с удивительным равнодушием изрекал: «Я, думая над тем, что происходит, соорудил примерно такую концепцию:

Есть какая-то большая и смелая политическая идея генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, б) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает а) виновных, б) подозрительных и с) потенциально-подозрительных. Без меня здесь не могли обойтись. Одних обезвреживают так-то, других – по другому, третьих – по третьему»²⁴.

И в пересказе слов Бухарина в очерке «Как подготовлялся Московский процесс», и в его собственноручном предсмертном письме Сталину выражалась одна и та же мысль, а именно: что политические репрессии против большевиков-революционеров были способом обновления состава правящего слоя СССР, примененным в связи с приближавшейся мировой войной – «с неминуемо нам предстоящей войной», «с предвоенным временем», если говорить бухаринскими словами.

Казалось бы название «предвоенное время» уместно использовать лишь после начала войны, когда точно известно, какие годы были «предвоенными». Но в Советском государстве оно было в ходу еще до второй мировой войны. Время, предшествовавшее этой войне считалось «предвоенным» потому, что ход событий на мировой арене, даже не составлявших тайны узкого круга посвященных, а открытых для всех, не оставлял никаких сомнений в том, что человечество неудержимо идет к новой мировой войне.

Если в судебном процессе по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра, проходившего с 19 по 24 августа 1936 года, на первое место в формуле обвинения было поставлено «совершение ряда террористических актов против руководителей ВКП (б) и советского правительства» с целью захвата власти, то в процессе антисоветского троцкистского центра подсудимые обвинялись прежде всего в руководстве «преступной антисоветской, шпионской,

---

²⁴ Там же. С. 23.

диверсионной и террористической деятельностью, направленной на подрыв военной мощи СССР, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам в захвате территории и расчленении СССР, свержение советской власти и восстановление в Советском Союзе капитализма и власти буржуазии»²⁵. Если в материалах августовского процесса 1936 года трудно было усмотреть связь репрессивной политики Сталина в отношении большевиков-революционеров с необходимостью готовить советское общество и его государственный организм к отражению военной агрессии иностранных держав, то материалы январского процесса 1937 года со всей очевидностью убеждали в существовании такой связи.

Эту особенность второго московского процесса признавали и сами троцкисты. Неслучайно, сразу по его завершении в троцкистском периодическом издании «Fight for the Fourth International (Борьба за Четвертый Интернационал)» в разделе «Заметки месяца» была опубликована следующая весьма любопытная оценка данного процесса: «Каждое политическое движение в Европе есть подготовка к наступлению мировой войны. Московский процесс не исключение. Сталин смотрит вперед, готовясь к переменам, которые придут в период всеобщей вооруженной борьбы. Националистическая политика внутри России в военное время должна жестоко столкнуться с глубоко укорененным интернационализмом русского рабочего класса. Уже события в Испании составляют угрозу устоям политики [построения] “социализма в одной стране”. Сталин спешит уничтожить “старую гвардию” большевизма из страха перед его традицией и, как показывают его действия, намеревается заложить заряд динамита под пролетарский интернационализм до или во время второй мировой войны»²⁶.

В этом же номере газеты «Борьба за Четвертый Интернационал» была опубликована первая часть статьи известного то время афроамериканского историка Сирила Джеймса «Второй московский процесс». В ней утверждалось, что судебные процессы над

²⁵ Обвинительное заключение // Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. С. 21.

²⁶ Notes of the Month: The Moscow Trial // Fight for the Fourth International. Organ of the Marxist Group (trotskyists). 1937. Vol. 1. No 4. P. 3.

большевиками-революционерами — «это клятва сталинистов буржуазии в том, что они будут добросовестными ее союзниками в грядущей войне»²⁷.

Во второй части упомянутой статьи, опубликованной в апреле 1937 года, Сирил Джеймс, оценивая репрессивную политику Сталина, констатировал: «Сталин порвал с социалистической революцией, и эти судебные процессы являются кульминацией вырождения советской бюрократии. Они должны сокрушить социалистическую революцию внутри и за пределами России»²⁸.

Н.И. Бухарин так же, как и троцкисты, связывал политические репрессии против большевиков-революционеров, развернувшиеся в СССР в середине 1930-х годов, с изменившимся состоянием советской бюрократии, но он обращал внимание более не на классовую ее трансформацию, отмечавшуюся Л.Д. Троцким, а на психологическое перерождение.

В интервью, данном 30 января 1964 года Северину Бялеру и Жанет Загория, Б.И. Николаевский привел весьма примечательный с этой точки зрения разговор с Бухариным. Во время одной из бесед с ним Борис Иванович сказал, что за границей много знают об ужасах коллективизации. Реакция Бухарина была неожиданной для Николаевского: бывший большевистский вождь пришел в неописуемую ярость и со злостью стал выговаривать, что все написанное до сих пор о коллективизации дает лишь слабое представление о том, что происходило в действительности. Он был переполнен впечатлениями о фактах, о которых ему сообщили непосредственные участники коллективизационной кампании, потрясенные тем, чему они стали свидетелями. Впоследствии некоторые из тех коммунистов совершили самоубийство, кто-то сошел с ума, а многие просто ушли из партии, допустившей такое издевательство над народом. Несколько успокоившись, Бухарин сказал: «Я многое видел еще до коллективизации. В 1919 году, когда я предложил ограничить полномочия

²⁷ «The trials are a pledge from the Stalinists to the bourgeoisie of their good faith as allies in the coming war» (*James C.L.R. The Second Moscow Trial // Ibid. P. 5*).

²⁸ «Stalin has broken with socialist revolution, and these trials are the culmination of the degeneration of the Soviet bureaucracy. They have to crush the socialist revolution inside and outside Russia» (*James C.L.R. The Second Moscow Trial // Fight for the Fourth International. Organ of the Marxist Group (trotskyists). 1937. Vol. 1. No 5. P. 9*).

Чека на расстрелы, Владимир Ильич провел решение о назначении меня представителем Политбюро в коллегия ЧК с правом вето. “Пусть сам посмотрит, — говорил Ленин, — и пусть попытается ограничить террор, если это возможно. Мы все будем очень рады, если добьется этого”. И я действительно насмотрелся такого, что моему врагу не пожелаю увидеть. Но год 1919-й ни в коей мере не идет в сравнение с тем, что творилось между 1930 и 1932 годами. В 1919 году мы вели борьбу за свои жизни. Мы расстреливали людей, но мы также постоянно рисковали своими жизнями. Позднее же мы вели массовое истребление совершенно беззащитных мужчин — вместе с их женами и детьми»²⁹.

Самым страшным последствием такой «коллективизации» Бухарин считал, по воспоминаниям Николаевского, не ужасы самой этой кампании, а глубокие перемены в психологическом складе участвовавших в ней коммунистов. Вместо того, чтобы сойти с ума, они стали чиновниками, для которых «террор сделался с тех пор нормальным методом управления, а повиновение любому приказу сверху — высшей добродетелью. «Они больше не являются людьми, — сказал о них Бухарин, — они в действительности теперь винтики какой-то чудовищной машины. Идет настоящее расчеловечивание людей, работающих в советском аппарате, — процесс трансформации советской власти в какую-то империю «железной пяты (iron heel)»³⁰,³¹.

Н.И. Бухарин являлся частицей большевизма — он жил в нем и вместе с ним, был напитан его духом, нес на себе бремя его преступлений, был причастен к его достижениям. Большевизм был его судьбой — и жизнью, и смертью. Несмотря на это «любимец партии», как называл его Ленин, обладал редкой способностью взглянуть на большевизм, хотя бы иногда, как бы со стороны и тем самым догадаться о многих его мрачных и величайших тайнах. У него не было никаких шансов выжить в круговерти политических

---

²⁹ An Interview with Boris Nicolaevsky // *Nicolaevsky B.I. Power and the Soviet Elite. “The Letter of an Old Bolshevik” and Other Essays* / Edited by Janet D. Zagoria. New York, Washington, London, 1965. P. 18.

³⁰ По свидетельству Николаевского, Бухарин использовал в данном случае для характеристики Советского государства середины 1930-х гг. слова, образующие название романа-антиутопии американского писателя Джека Лондона «The Iron Heel»..

³¹ An Interview with Boris Nicolaevsky . P. 18–19.

репрессий, которая уже существовала, кажется, сама по себе и для всех несла угрозу.

2

Подготовка судебного разбирательства в отношении Н.И. Бухарина началась еще летом 1936 года. 21 августа на вечернем заседании процесса троцкистско-зиновьевского террористического центра после допроса подсудимых государственный обвинитель А.Я. Вышинский сообщил, что днем ранее им было сделано распоряжение о начале расследования заявлений Каменева, Зиновьева и Рейнгольда о причастности Бухарина³², а также Томского, Рыкова, Угланова, Радека, Пятакова, Серебрякова и Сокольникова к преступной контрреволюционной деятельности. На следующий день это заявление прокурора СССР было опубликовано в газетах³³.

Бухарин пребывал в это время в поездке по Памиру. Вынужденный ее прервать из-за болезни сопровождавшего его помощника, он 23 августа приехал в город Фрунзе и здесь прочитал о показаниях подсудимых против него. Сразу же отправился в Ташкент, откуда выслал телеграмму Сталину с выражением своего возмущения³⁴ и на самолете вылетел в Москву, несмотря на запрет ответственным работникам летать на аэропланах без разрешения ЦК ВКП (б). Приехав домой вечером 26 августа, Николай Иванович бросился читать газетные публикации о процессе, после чего написал письмо членам Политбюро ЦК ВКП(б) и прокурору СССР, в котором попытался убедить их в своей полной невиновности и в безоговорочной приверженности Сталину и его политике.

³² И.И. Рейнгольд, рассказывая на допросе во время вечернего судебного заседания 19 августа о составе троцкистско-зиновьевского центра, сообщил, что велись переговоры о совместной деятельности с «леваками», а также «с представителями правого уклона: Рыковым, Бухариным и Томским». «Мы рассчитывали на правую группу Рыкова, Бухарина, Томского», — признавался во время допроса на утреннем заседании 20 августа Л.Б. Каменев (Правда. 1936. № 230 (6836). 21 августа. С. 2).

³³ См., например: Правда. 1936. № 231 (6837). 22 августа. С. 4.

³⁴ Текст данной телеграммы, оригинал которой хранится в Архиве Президента РФ (Ф. 3. Оп. 24. Д. 235. Л. 118), был следующим: «ЦК ВКП(б) т. Сталину. Только что прочитал клеветнические показания мерзавцев. Возмущен глубины души. Вылетаю Ташкента самолетом 25 утром. Прошу извинить это нарушение. 24/VIII. Бухарин».

«Я не только не виновен в приписываемых мне преступлениях, — уверял Николай Иванович в своем оправдательном послании, — но могу с гордостью сказать, что защищал все последние годы, и притом со всей страстностью и убежденностью, линию партии, линию ЦК, руководство Сталина»³⁵. Показания подсудимых против него Бухарин называл клеветой и, отрицая свое участие в оппозиции руководству ВКП (б), настаивал: «После познания и признания своих ошибок... я во всех областях с подлинной убежденностью защищал линию партии и сталинское руководство. Я считал и считаю, что только дураки (если вообще хотеть социализма, а не чего-то ещё) могут предлагать “другую линию”... Ведь только дурак (или изменник) не понимает, что за победоносные вехи: индустриализация, коллективизация, уничтожение кулачества, две великие пятилетки, забота о человеке, овладение техникой и стахановство, зажиточная жизнь, новая Конституция. Ведь только дурак (или изменник) не понимает, что за лавиные прыжки сделала страна, вдохновлённая и направляемая железной рукой Сталина. И противопоставлять Сталину пустозвонного фанфарона или пискливого провизора-литератора можно только выживши из ума»³⁶.

Бухарин не назвал имени человека, которого охарактеризовал столь уничижительными словами, но было очевидно, что в данном случае имелся в виду Троцкий. В конце письма Николай Иванович высказался о нем еще более резко: «Что мерзавцев расстреляли — отлично: воздух сразу очистился. Процесс будет иметь огромное международное значение. Это — осинový кол, самый настоящий, в могилу кровавого индюка, налитого спесью, которая привела его в фашистскую охранку»³⁷.

8 сентября 1936 года Бухарин присутствовал вместе с Рыковым на допросе Г.Я. Сокольников, находившегося под арестом и следствием по делу об антисоветском троцкистском центре. Очная ставка проводилась Вышинским в присутствии секретарей ЦК ВКП (б) Л.М.

³⁵ Письмо Н.И. Бухарина членам Политбюро ЦК ВКП (б) и А.Я. Вышинскому. 27 августа 1936 г. // Источник. Документы русской истории. 1993. № 2. С. 7.

³⁶ Там же. С. 8.

³⁷ Там же. С. 11.

Кагановича и Н.И. Ежова. Прокурор СССР спросил Сокольникова: «Почему у вас в центре возникла мысль о привлечении к участию в блоке группы правых?»³⁸ Сокольников ответил, что эта мысль была не случайной, поскольку еще в 1932 году некоторые члены центра вели переговоры о заключении блока, Каменев вел переговоры с Рыковым и Бухариным, Зиновьев — с Томским. «Все эти лица были осведомлены о террористических планах центра и подготовке практических террористических мероприятий»³⁹. «Чем окончились переговоры с группой правых в 1932 году?» — снова спросил Вышинский. Сокольников в ответ сказал, что эти переговоры не увенчались полным успехом, так как правые не вошли в то время в блок, Хотя и «согласились на контакт и взаимную политическую информацию»⁴⁰. Из дальнейших показаний Сокольникова следовало, что его переговоры с Томским о вступлении правых в блок троцкистов и зиновьевцев имели место и в 1934, и в 1935 году. В конце концов Томский дал, по словам Сокольникова, положительный ответ на предложение вступить в этот блок, «подтвердив, что он действует от имени и Бухарина, и Рыкова, которыми он уполномочен войти в центр»⁴¹.

Присутствовавший на этом допросе Н.И. Ежов спросил Сокольникова, есть ли у него прямые факты участия Рыкова и Бухарина в троцкистско-зиновьевском блоке? Сокольников ответил, что таких фактов он не имеет, об участии Рыкова и Бухарина в этом блоке ему стало известно от Томского, Радека и Серебрякова. В конце очной ставки с Бухариным Сокольников повторил данное утверждение, заявив: «Я подтверждаю, что о террористическом уклоне БУХАРИНА я знаю со слов КАМЕНЕВА, ТОМСКОГО и ПЯТАКОВА»⁴². При редактировании текста стенограммы очной

³⁸ Из материала очных ставок Г.Я. Сокольникова и А.И. Рыкова, Г.Я. Сокольникова и Н.И. Бухарина, произведенных 8 сентября 1938 г. прокурором СССР А.Я. Вышинским в присутствии секретаря ЦК ВКП (б) Л.М. Кагановича и председателя КПК и секретаря ЦК ВКП (б) Н.И. Ежова // Декабрьский пленум ЦК ВКП (б) 1936 года: Документы и материалы. М., 2017. С. 233.

³⁹ Там же. С. 234.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Протокол очной ставки Г.Я. Сокольникова и Н.И. Бухарина // РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 176. Л. 30.

ставки прежде, чем передать его секретарю ЦК ВКП (б) Кагановичу, замещавшему Сталина во время его отпуска, Вышинский приведенное заявление вычеркнул. Однако предшествовавшие ему слова Сокольников о том, что с 1929 года у него с Бухариным «никаких личных отношений уже не было», оставил. Андрей Януарьевич не мог не понимать, что судьба Бухарина Сталиным уже была решена, но материалов для возбуждения против него уголовного дела явно не хватало. К тому же Бухарин, как политический деятель, принадлежавший к когорте первых большевистских вождей — соратников Ленина, имел большой авторитет и поддержку в партийной и общественной среде. Заставить коммунистическую партию и советское общество в целом поверить в то, что он оказался причастным к террористической деятельности и пошел в борьбе со Сталиным на государственную измену было невозможно одним фактом выдвижения против него прокуратурой СССР обвинений в совершении этих преступлений. Очевидно, что такие обвинения могли быть выдвинуты против Бухарина только после проведения массовой идеологической кампании по его дискредитации как политического деятеля и человека. Сделанное Вышинским 21 августа 1936 года на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра заявление о начале расследования показаний подсудимых о причастности Бухарина к преступной контрреволюционной деятельности, было в сущности одним из актов этой кампании.

По окончании очной ставки Сокольников с Рыковым и Бухариным Каганович, оставшись наедине с Бухариным, сказал, что по его мнению, Сокольников все врет и у Николая Ивановича нет причин для беспокойства⁴³. «Но почему он врет, Лазарь Моисеевич, — оживился Бухарин, — ведь этот вопрос надо выяснить». «Будем выяснять, обязательно будем выяснять, Николай Иванович»⁴⁴, — сказал Каганович. Бухарин в ответ потребовал, чтобы прокуратура СССР опубликовала заявление о прекращении расследования в отно-

⁴³ Выступая на декабрьском Пленуме ЦК ВКП (б) 1936 года, Бухарин, вспоминая об этом эпизоде, сообщает: «У меня была одна единственная очная ставка с Сокольниковым. После очной ставки т. Каганович мне сказал, что “у нас впечатление такое, что вы к этому делу отношения не имеете”» (Стенограмма заседания Пленума ЦК ВКП (б). 4, 7 декабря 1936 г. // Декабрьский пленум ЦК ВКП (б) 1936 года: Документы и материалы. С. 47).

⁴⁴ Цит. по: *Ларина-Бухарина А.М. Незабываемое*. М., 2002. С. 356.

шении его за отсутствием состава преступления, добавив, что только в этом случае он сможет приступить к работе⁴⁵.

10 сентября 1936 года центральные газеты опубликовали сообщение «В Прокуратуре Союза ССР», в котором говорилось: «В настоящее время Прокуратурой Союза ССР закончено расследование по поводу сделанных на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра в Москве 19 и 20 августа с.г. некоторыми обвиняемыми указаний о причастности в той или иной степени к их преступной контрреволюционной деятельности Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова. Следствием не установлено юридических данных для привлечения Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова к судебной ответственности, в силу чего настоящее дело дальнейшим следственным производством прекращено»⁴⁶. Расследование в отношении Бухарина и Рыкова объявлялось законченным не по причине отсутствия в их деяниях состава преступления, но лишь потому, что не были обнаружены юридические основания для возбуждения уголовного дела. Решение вопроса о привлечении Бухарина и Рыкова к судебной ответственности было таким образом лишь отложено на какое-то время. Оно могло затянуться на длительный срок. Ведь предстояло **не просто обнаружить** факты преступной деятельности Бухарина, **но и превратить в таковые** вполне законные политические действия. Для осуществления такой операции требовался в высшей степени искусный правовед. Судебный процесс над большевистским деятелем ранга Бухарина мог быть только открытым. А это значит — юридические основания для его осуждения должны были отличаться особой убедительностью.

Будучи прокурором СССР, то есть главным государственным обвинителем по своей должности, А.Я. Вышинский вел подготовку всех значимых судебных процессов 1936–1938 годов. Но самым сложным, самым трудным для него был процесс, в котором в группе

---

⁴⁵ Н.И. Бухарин занимал в то время должность главного редактора газеты «Известия».

⁴⁶ Правда. 1936. № 250 (6856). 10 сентября. С. 2. Накануне публикации текст сообщения из прокуратуры СССР был согласован Кагановичем со Сталиным. См.: Письмо Л.И. Кагановича И.В. Сталину. 9 сентября 1936 г. // Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 671.

подсудимых находился Бухарин. Не случайно подготовка этого процесса заняла полтора года.

14 сентября 1936 года секретарь ЦК ВКП (б) Каганович в очередном письме Сталину выразил свое отношение к участникам прошедшей очной ставки. «Сокольников производит впечатление озлобленного уголовного бандита, выкладывающего без малейшего смущения план убийства и их работу в этом направлении», — написал он. — Рыков держал себя довольно выдержанно и все допытывался у Сокольникова, знает ли он об участии Рыкова только со слов Томского или еще кого-то... Бухарин после ухода Сокольникова пустил слезу и все просил ему верить. У меня осталось впечатление, что может быть они и не поддерживали прямой организационной связи с троцкистско-зиновьевским блоком, но в 32–33, а может быть, и в последующих годах, они были осведомлены о троцкистских делах. Видимо, они, правые, имели свою собственную организацию, допуская единство действий снизу... во всяком случае, правую подпольную организацию надо искать, она есть. Я думаю, что роль Рыкова, Бухарина и Томского еще выявится»⁴⁷. Лазарь Моисеевич знал, что подготовка судебного процесса над Бухариным будет продолжена, несмотря на заявление прокуратуры СССР о завершении расследования показаний бывших большевистских вождей о причастности его к преступной контрреволюционной деятельности. Совсем неслучайным было поэтому восклицание Кагановича в конце письма Сталину: «Хорошо, что громим всех этих троцкистско-зиновьевских подлецов до конца»⁴⁸.

Н.И. Бухарин являлся главным идеологом и одним из руководителей так называемой «правой оппозиции» в ВКП (б), выступившей в конце 20-х годов против проводившейся Сталиным и его сторонниками политики сворачивания НЭПа, ускоренной индустриализации и коллективизации ее сельского хозяйства. Такой путь развития страны был, по мнению Сталина, жизненно необходимым, поскольку обеспечивал ее экономическую самостоятельность и позволял вооружить сельское хозяйство машинами и тракторами, то есть

---

⁴⁷ Письмо Л.И. Кагановича И.В. Сталину. 9 сентября 1936 г. // Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 677–678.

⁴⁸ Там же. С. 678.

удовлетворить не только личные потребности крестьянина, но и производственные нужды крестьянского хозяйства. Ускоренная индустриализация, хотя и ложилась сверхтяжким бременем на советское общество, позволяло спасти его от порабощения иностранными державами хотя бы уже тем, что достаточно быстро создавала основу для формирования в СССР эффективного военно-промышленного комплекса, без которого невозможно было в то время отразить военный удар со стороны западных держав, а в силу стечения объективных обстоятельств такой удар неизбежно должен был последовать в ближайшие годы. В этих условиях любая политическая группировка, выступавшая против ускоренной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, против всего того, что обеспечивало выживание Советского государства, воспринималась Сталиным не только враждебной, но и преступной, даже при отсутствии каких-либо юридических оснований для такой оценки.

В речи «О правом уклоне в ВКП (б)», произнесенной в апреле 1929 года на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б), Сталин говорил, критикуя Бухарина, что у него «исходным пунктом является не быстрый темп развития, индустрии, как рычага реконструкции сельскохозяйственного производства, а развитие индивидуального крестьянского хозяйства. У него на первом плане “нормализация” рынка и “допущение свободной игры цен на рынке сельскохозяйственных продуктов, допущение полной свободы частной торговли... Ну, а как быть, если все же не хватит товарного хлеба? Бухарин отвечает на это: не тревожьте кулака чрезвычайными мерами и ввезите хлеб из-за границы. Он еще недавно предлагал ввезти хлеб из-за границы миллионов 50 пудов, т.е. миллионов на 100 рублей валютой. А если валюта нужна для того, чтобы ввезти оборудование для индустрии? Бухарин отвечает на это: надо дать предпочтение ввозу хлеба из-за границы, отставив, очевидно, на задний план ввоз оборудования для промышленности»⁴⁹. После таких замечаний вполне логичным было

---

⁴⁹ *Сталин И.В.* О правом уклоне в ВКП (б). Речь на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в апреле 1929 г. // *Сталин И.В. Сочинения.* Т. 12. М., 1949. С. 60–61. Абдурахман Авторханов (1908–1997), учившийся в то время в Институте красной профессуры, составлявшем один из оплотов Бухарина, утверждает в своих воспоминаниях: «То, что потом Сталин

следующее заключение Сталина: «Борьбу с правым уклоном нельзя рассматривать, как второстепенную задачу нашей партии. Борьба с правым уклоном есть одна из решающих задач нашей партии. Если мы в своей собственной среде, в своей собственной партии, в политическом штабе пролетариата, который руководит движением и который ведет вперед пролетариат, — если мы в этом самом штабе допустим свободное существование и свободное функционирование правых уклонистов, пытающихся демобилизовать партию, разложить рабочий класс, приспособить нашу политику ко вкусам “советской” буржуазии и спасовать, таким образом, перед трудностями нашего социалистического строительства, — если мы все это допустим, то что это будет означать? Не будет ли это означать, что мы готовы спустить на тормозах революцию, разложить наше социалистическое строительство, сбежать от трудностей, сдать позиции капиталистическим элементам?»⁵⁰

Этот вывод относительно «правой оппозиции» уже тогда, в 1929 году, предвещал ей скорый политический разгром, а ее лидерам и рядовым членам готовил несчастную личную судьбу.

Архивные материалы показывают, что в сентябре и октябре 1936 года НКВД значительно активнее стал вести сбор материалов, дискредитировавших Бухарина. Начались допросы лиц, входивших в круг его соратников по политической деятельности, с целью получить факты, которые могли быть использованы как основание для возбуждения против него уголовного дела. К несчастью для Бухарина

приписывал правым, — будто они были против этой общей политики в развитии промышленности и сельского хозяйства, — было лишено всякого основания. Не в том правые расходились со Сталиным, что надо повести дело к социализму, не в том, что надо проводить индустриализацию, не в том, что надо держать курс на социалистическое сельское хозяйство, а в том, *как и какими методами* все это делать» (Авторханов А. Технология власти. Frankfurt/Main, 1976. С. 162). В действительности вопрос о методах индустриализации страны и коллективизации ее сельского хозяйства был вопросом об их темпах. В условиях, когда СССР должен был готовиться к военному столкновению с Западным миром, этот вопрос приобретал первостепенное значение. Сталин считал, что у Советского государства не было столько времени для мирного развития, которого требовало осуществление индустриализации методами, предлагавшимися Бухариным. И разве события Великой Отечественной войны не доказали, что ускоренная индустриализация СССР была, хотя и жестоким, но необходимым для спасения страны шагом?

⁵⁰ Там же. С. 105.

многие из бывших его сторонников пошли на сотрудничество с НКВД и представили весьма подробные свидетельства о политической деятельности правой оппозиции.

Одним из таких людей оказался *Павел Флегонтович Сапожников* (1897–1937), отбывавший в то время ссылку в Свердловской области. Он был выпускником Института красной профессуры. В 1929–1931 годах занимал пост ректора Воронежского государственного университета, затем в течение года был ректором сельскохозяйственного института, профессором Планового института и членом президиума Облплана в Воронеже. В ряды большевистской партии П.Ф. Сапожников вступил в 1918 году. С 1928 года примыкал к так называемой «правой оппозиции» в ВКП (б), во главе которой стояли такие видные большевистские деятели, как Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский. Сапожников являлся руководителем воронежской партийной группировки «правых», но регулярно посещал Москву и участвовал в совещаниях центральной группы «правой оппозиции».

16 апреля 1933 года Сапожников был постановлением коллегии ОГПУ на основании статьи 58-10 УК РСФСР приговорен к лишению свободы сроком на три года по делу о так называемой «антипартийной контрреволюционной группы правых Слепкова и других» («Бухаринская школа»), по которому проходило 38 молодых советских интеллигентов, занимавшие руководящие посты в центральных и местных идеологических, плановых и хозяйственных учреждениях⁵¹. Лишение свободы Сапожников отбывал в Суздальском политизоляторе, из которого весной 1936 года его выпустили и отправили в ссылку в Свердловскую область.

8 сентября 1936 года П.Ф. Сапожников обратился с личным письмом к Сталину, в котором сообщил, что испытывает глубокую душевную радость от того, что «справедливый приговор Верховного суда по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра приведен в исполнение» и все «чудовищно наглые двурушники и

---

⁵¹ См.: Справка по делу так называемой «антипартийной контрреволюционной группы правых Слепкова и других» («Бухаринская школа»), подготовленная на основании архивных материалов, хранящихся в Центральном архиве КГБ СССР. 1989 г. / Сост. А. Сухарев, В. Крючков // Российский государственный архив новейшей истории (далее: РГАНИ). Ф. 107. Оп. 1. Д. 38. Л. 11-36 (машинописная копия).

провокаторы», «политические бандиты, потерявшие человеческие чувства и облик, проклятые в века враги народа, — подручные иуды из иуд фашиста Троцкого и его хозяина Гитлера, агенты озверелой белогвардейщины и гестапо, убившие тов. Кирова», готовившие покушение против Сталина — «любимого отца и вождя народов СССР», — «наконец расстреляны, сметены с лица земли железной рукой пролетарской диктатуры»⁵².

Письмо Сапожникова было навеяно дошедшим до него из сообщения прокуратуры СССР известием о начале расследования деятельности руководителей «правой оппозиции», к которой он сам когда-то принадлежал. «Я горячо приветствую, — писал Павел Флегондович Сталину, — заявление прокурора СССР тов. Вышинского о привлечении к уголовной ответственности контрреволюционеров Сокольникова и Серебрякова и о полном расследовании причастности Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова, Радека и Пятакова к преступной заговорщической деятельности расстрелянных врагов народа. Я хочу вновь подчеркнуть при этом, что мое собственное тяжелое контрреволюционное прошлое, с которым я порвал полностью и безвозвратно, мой постыдный и преступный “опыт” участия в двурушнической к.-р. группе Слепкова-Марецкого⁵³ и моя прежняя двурушническая связь с лидерами правых, особенно с Н. Бухариным, этим насквозь двуличным и лицемерным обманщиком партии, говорят мне о том, что все контрреволюционные группы правой оппозиции и ее лидеры, являясь агентурой кулачества, были так или иначе связаны с троцкистско-зиновьевской террористической шайкой, этим передовым отрядом международной контрреволюции, или в той или в иной мере, по ее вражьиим стопам, заимствовали от нее методы прожженного лицемерия и подлого двурушничества, заговорщические замыслы и преступные планы борьбы против партии и нашего великого, непоколебимого руководства»⁵⁴.

⁵² Письмо П.Ф. Сапожникова в ЦК ВКП (б) Иосифу Виссарионовичу Сталину (лично). 8 сентября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 245. Л. 52 (рукописи). Л. 47 (машинописной копии).

⁵³ П.Ф. Сапожников имеет в виду группу «правой оппозиции, которую возглавляли А.Н. Слепков (1899–1937) и Д.П. Марецкий (1901–1937).

⁵⁴ Письмо П.Ф. Сапожникова в ЦК ВКП (б) Иосифу Виссарионовичу Сталину. Л. 52об. (рукописи). Л. 48 (машинописной копии).

В конце письма Сапожников благодарил Сталина за то доверие, которое вождь, партия и советская власть оказали, дав возможность и счастье порвать с «тяжелым контрреволюционным прошлым и быть свободным гражданином великой социалистической родины»⁵⁵.

Подобное письмо Сапожников написал и руководству НКВД, в связи с чем был вызван в Москву. Здесь Павел Флегонтович якобы составил записку о «двурушнической и террористической деятельности контрреволюционной организации правых», возникшей в конце 1928 – начале 1929 года и активно действовавшей в период с 1930 по 1932 год. Этот объемный документ, изложенный на 129 машинописных страницах⁵⁶ и датированный 1 октября 1936 года, был явно направлен против Бухарина. Он содержал сведения о довольно большой группе членов ВКП (б), входивших в организационные структуры «правой оппозиции», об их многочисленных совещаниях, планах и замыслах. Этими сведениями не мог обладать один человек, пусть он был и весьма активным оппозиционным деятелем, находился в постоянном общении со многими своими соратниками. Сапожников по всей видимости только подписал данную записку, составленную в действительности в самом Наркомате внутренних дел на основании фактов, сообщенных следователям арестованными оппозиционерами или полученных от агентов НКВД, внедренных в среду «правой оппозиции».

Как бы то ни было, записка о контрреволюционной организации правых давала первые юридические основания для привлечения Бухарина к уголовной ответственности. Правда, они были весьма шаткими. Сведения, изложенные в записке, относились преимущественно к периоду с 1929 по 1932 год, и надо было сильно постараться, чтобы убедить всех, что описанная в ней разветвленная, охватывающая все крупные города Советского Союза сеть контрреволюционной организации правых, ставящей своей целью захват власти в коммунистической партии и Советском государстве и реставрацию капитализма, продолжала существовать в 1936 году.

---

⁵⁵ Там же. Л. 51. Л. 53об.

⁵⁶ См.: Записка П.Ф. Сапожникова о двурушнической и террористической деятельности к[онтр-]р[еволюционной] организации правых. 1 октября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 245. Л. 56–184.

Представленные в записке оценки «правой оппозиции» были в ходу еще в конце 20-х годов. Они открыто звучали в речах на пленумах ЦК ВКП (б) и в газетных публикациях. Так, организация правой оппозиции, к которой принадлежал и сам Сапожников, называлась в подписанной им записке «контрреволюционной» и характеризовалась как «организационно-оформившаяся подпольная агентура к[онтр]р[еволюционного] кулачества в рядах партии, имевшая своей целью сорвать наступление социализма, ускоренную индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства и ликвидацию класса кулачества, то есть сорвать победоносное осуществление ленинско-сталинской генеральной линии партии, перевести затем политику партии и советского государства на правый, кулацкий, реставраторский путь и свободной рыночной конкуренцией, “мирным, плавным” развитием капиталистических отношений (именуемым, по лицемерной бухаринской терминологии правых, “мирным вращением в социализм” кулака и др. капиталистических элементов хозяйства) обеспечить “спуск на тормозах” — к восстановлению капитализма в СССР»⁵⁷.

Указанный в записке Сапожникова путь, избранный правыми для достижения своих целей, также не был откровением. Более того, он являлся вполне законным, поскольку предполагал победу на выборах в партийные комитеты. «Основной целью фракционной организации правых являлась задача, — констатировалось в записке: — создав мощную правую организацию в партии и сосредоточив в ее руках важнейшие звенья аппарата московской организации партии, печати, госаппарата, профсоюзов, вузов и научных учреждений, в “благоприятный” для правых момент выступить, опираясь на эти звенья, широким фронтом против партии и сталинского ЦК, добиться в партии большинства, отодвинуть от руководства всех сторонников товарища Сталина и ленинской линии партии, создать правый ЦК и правое П[олит]б[юро] и обеспечить затем всей мощью партийного, государственного и профсоюзного аппарата, которыми правые тогда владеют, “мирное, плавное вращение кулака в социализм”, т.е.

---

⁵⁷ Там же. Л. 56.

фактически – “мирное” развитие капиталистических отношений в стране и реставрацию капитализма в СССР»⁵⁸.

Характеристика структуры и состава «контрреволюционной организации правых» начиналась в записке с ее руководства, которое образовывали Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский и Н.А. Угланов. При этом особо отмечалось, что «руководящую идеологическую и политическую роль в этом к.-р. Центре правых играл Н. Бухарин; он являлся основным поставщиком кулацких идей и платформ правых, он вырабатывал все важнейшие политические документы правых, он давал к.-р. Организации правых главнейшие тактические и организационные директивы, он являлся “душой” к.-р. центра и всей к.-р. организации правых; сформулированные им теоретико-политические установки правых, его “теоретическая” подкованность, его опыт прошлой антиленинской фракционной борьбы, его “испытанный” политический беспринципный эклектизм, его политическое лицемерие и его озлобленность против тов. Сталина и сталинского ЦК, – все это, естественно, выдвинуло его, Бухарина, на роль руководящего идеолога и политического лидера центра и всей к.-р. организации правых»⁵⁹.

Негативные оценки партийных деятелей, составлявших контрреволюционную организацию правых, касались в рассматриваемой записке и того, кем она была подписана. После характеристики «убежденнейшего правового» А. Зайцева, «одного из крайних правых членов московского центра контрреволюционной бухаринской организации правых» Э. Гольденберга, «одного из наиболее стойких правых» П. Александрова шло описание Сапожникова. В нем отмечалось, что «П. Сапожников был правым, разделявшим полностью кулацко-реставраторскую идеологию Н. Бухарина, являлся активным членом московского центра бухаринской контрреволюционной организации правых и организатором и руководителем воронежской контрреволюционной организации правых», что «докатился до террористических настроений и высказываний и был связан с другими террористически и

---

⁵⁸ Там же. Л. 58–59.

⁵⁹ Там же. Л. 59–60.

заговорщически настроенными к.-р. двурушниками», что «в 1935 г. разоружился и целиком порвал с правыми и их к.-р. идеологией»⁶⁰.

Характеристика личного состава «московского центра бухаринской к.-р. организации правых» завершалась в записке Сапожникова свидетельством, которое при своей доказанности вполне могло стать юридическим основанием для возбуждения уголовного дела против Бухарина и его сторонников. «Московский центр этой организации и особенно его секретариат, — утверждалось в ней, — возглавлял целую сеть местных правых к.-р. организаций, созданных членами московского центра бухаринской правой организации по директиве Н. Бухарина, являвшихся местными ячейками этой контрреволюционной организации. Эти ячейки, т.е. местные организации бухаринской к.-р. организации правых создавались на началах строгой конспирации и состав их не был известен членам московского центра»⁶¹. Зачем понадобилась такая конспирация, в записке говорилось довольно откровенно. Сапожников утверждал, например, что на частных совещаниях секретариата бухаринской контрреволюционной организации, «на которых присутствовали другие члены московского бухаринского центра, в том числе и я, а также на отдельных совещаниях с Бухариным обнаруживались гораздо более глубокие контрреволюционные намерения правых, а именно: заговорщические замыслы о “дворцовом перевороте” и террористические настроения»⁶².

Данное утверждение подкрепляется целым рядом свидетельств, вызывающих доверие. Так, А. Авторханов привел в своих воспоминаниях весьма любопытное высказывание одного из своих товарищей по учебе в Институте красной профессуры Сорокина. Обсуждая победу Сталина над Бухариным во время прошедшего с 16 по 23 апреля 1929 года Пленума ЦК ВКП (б), он заметил, что Сталина «можно предупредить и по-сталински, то есть ответить на подлость подлостью, и

---

⁶⁰ Там же. Л. 78. Покаянное письмо Сталину и разоблачающая Бухарина и его соратников записка не помогли П.Ф. Сапожникову сохранить свою жизнь. 30 декабря Павел Флегонтович будет арестован, ему предъявили обвинение в участии в антисоветской террористической организации и предали суду. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу. 15 мая 1937 г. приговор привели в исполнение.

⁶¹ Там же. Л. 80.

⁶² Там же. С. 120.

профилактически, то есть хирургическим ножом». По воспоминанию Авторханова, произнеся эти слова, Сорокин сделал паузу, как бы давая ему время переварить сказанное, и затем сказал: «Государственный переворот не есть контрреволюция, **это только чистка партии одним ударом от собственной подлости.** Для этого не нужен и столичный гарнизон Бонапарта. Вполне достаточно одного кинжала советского Брута и двух слов о покойнике перед возмущенной толпой фанатиков: “Не потому я Цезаря убил, что любил его меньше, но потому, что я любил Рим больше!”»⁶³ (выделено мною. — В.Т.).

Подобным образом думали и говорили тогда многие противники Сталина. Они не догадывались и вряд ли могли предположить, что Сталин будет знать эти их мысли и слова так, будто они произносили их в его присутствии...

3

Руководители НКВД регулярно информировали секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина о ходе расследований, которые велись относительно участников различных оппозиционных группировок⁶⁴. Решения о предании их суду, о назначении судей и обвинителей, а также о том, каким должен быть судебный приговор, принимались от имени Политбюро ЦК ВКП (б). Высший партийный орган фактически брал на себя функции и прокуратуры и суда. Прокурор СССР А.Я. Вышинский не оставался при этом в стороне, но его роль была в таких случаях чисто вспомогательной и сводилась лишь к идеологическому и юридическому оформлению решений, принятых высшим партийным руководством.

Между тем, как показывают архивные документы, многие постановления Политбюро о судебных процессах по делам оппозиционных партийных деятелей принимались без какого-либо обсуждения и даже без проведения заседания, а просто путем опроса,

⁶³ Авторханов А. Технология власти. С. 255.

⁶⁴ В Российском государственном архиве социально-политической истории (ф. 17, оп. 171) сохранилось несколько сотен записок Г.Г. Ягоды, Н.И. Ежова и их заместителей И.В. Сталину, в которых сообщались результаты допросов партийных деятелей, находившихся под следствием. К этим запискам, как правило, прилагались полные протоколы допросов.

в результате которого члены Политбюро утверждали заранее подготовленное по распоряжению И.В. Сталина или написанное им самим решение.

Выписка из протокола заседания Политбюро, датированная 16-м ноября 1936 года, показывает, что именно таким способом принималось решение о судебном процессе по делу «троцкистской диверсионной группы», прошедшем с 19 по 22 ноября в Новосибирске. Полный текст постановления Политбюро с пометкой «строго секретно» был следующим:

«1. Назначить судебный процесс по делу троцкистской диверсионной группы в Западно-Сибирском крае, произведшей 23-го сентября 1936 г. взрыв на шахте “Центральная” Кемеровского рудоуправления, на 19-е ноября 1936 г. в г. Новосибирске.

Для ведения процесса выслать в Новосибирск выездную сессию Военной Коллегии Верховного Суда под председательством т. Ульриха.

2. Обвинителем по данному делу назначить т. Рогинского.

3. Вызвать на суд в качестве свидетелей:

а) арестованных по делу троцкистской подпольной контрреволюционной организации и проходящих по данному делу Дробниса, Шестова и Строилова.

б) Пострадавших от взрыва рабочих шахты “Центральная” Поцелуенко, Боброва и Чекалина.

Вызвать в качестве экспертов на суд начальника Горнотехнической инспекции Наркомтяжпрома СССР – Гриндлера и инспекторов Западно-Сибирского горного надзора Левикова и Шувалова.

4. Судебный процесс вести при открытых дверях. Обвинительное заключение и приговор полностью опубликовать в местной печати и сокращенно в центральных газетах; о ходе процесса помещать краткие сообщения в центральных и местных газетах. Организацию освещения судебного процесса в печати поручить т.т. Талю, Эйхе, Вышинскому и Агранову.

5. Всех обвиняемых, в том числе и германского подданного Штиклинга, приговорить к высшей мере наказания — расстрелу»⁶⁵.

Для принятия подобных решений требовались соответствующие юридические основания. Материалы, дававшие повод привлечь того или иного партийного деятеля к судебной ответственности, предоставлялись Наркоматом внутренних дел.

Судьба Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова решалась на двух пленумах ЦК ВКП (б), проходивших 4 и 7 декабря 1936 года и с 23 февраля по 5 марта 1937 года. Юридическое основание для обвинения лидеров правой оппозиции в государственных преступлениях составили показания их арестованных соратников, данные во время допросов следователями НКВД.

Так, директор Библиотеки имени В.И. Ленина, член РСДРП со времени ее основания, авторитетный большевик Владимир Иванович Невский, арестованный еще в феврале 1935 года, 24 октября 1936 года написал заявление на имя наркома внутренних дел Н.И. Ежова, в котором признал себя «виновным в принадлежности к контрреволюционной организации правых». «Эта вина, — добавил он к этому признанию, — увеличивается еще и тем, что контрреволюционная организация правых, в которую я входил, стояла на террористических позициях, исходя из коих блокировалась с троцкистами и зиновьевцами. Во главе контрреволюционной организации правых стоял всесоюзный центр, в который, как мне известно, входили Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский и Угланов»⁶⁶. 1 ноября это заявление было направлено из НКВД секретарю ЦК ВКП (б) Сталину.

30 ноября 1936 года Е.Ф. Куликов, арестованный как участник правой оппозиции дал на допросе в НКВД показание о том, что «рютинская платформа, декларировавшая необходимость террора в борьбе против руководства ВКП (б), неоднократно обсуждалась членами центра организации правых Бухариным, Рыковым,

---

⁶⁵ Выписка из протокола № 44 заседания Политбюро ВКП(б) о деле контрреволюционной троцкистской диверсионной группы. 16.11.1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 255. Л. 133-134.

⁶⁶ Заявление участника контрреволюционной террористической организации «правых» В.И. Невского. 4 октября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 251. Л. 2.

Шмидтом, Углановым»⁶⁷. 3 декабря 1936 года протокол этого допроса был направлен Сталину.

В своем выступлении на декабрьском Пленуме ЦК Н.И. Ежов утверждал, что показания троцкистов и зиновьевцев «позволяли судить о том, что, безусловно, правые были осведомлены о всех террористических и иных планах троцкистско-зиновьевского блока»⁶⁸. При этом он отмечал, что данный вывод подтверждается и «более конкретными делами правых, арестованных за последнее время»⁶⁹. В качестве примера нарком внутренних дел привел показания журналиста Сосновского, работавшего в газете «Известия», главным редактором которой являлся Бухарин.

Допрос Л.С. Сосновского, во время которого он дал в прямом смысле убийственные показания на Бухарина, состоялся 14, 15 и 16 ноября 1936 года. 23 ноября Н.И. Ежов передал его протокол в объеме 37 листов И.В. Сталину. Сосновский рассказал на допросе о своей беседе с Н.И. Бухариным в мае 1935 года, во время которой Николай Иванович, вспоминая о борьбе троцкистов со Сталиным, заметил: «Ведь устранения Сталина добивались все группировки, выступавшие против него, и в блоке и порознь. А как же устранить Сталина? Посредством голосования на собраниях, на конференциях, съездах? Но все мы убедились, что это для нас, чем дальше, тем недоступнее, фантастичнее. Если в предыдущих боях оппозиции все же удавалось собирать тысячи голосов, то чем дальше, тем ниже были бы шансы на получение голосов в партии против Сталина. А сейчас об этом и говорить смешно. Нет, голосованием Сталина не устранить! Значит остается насильственное устранение, т.е. — террористический акт. В этом — неумолимая логика и к этому должна была придти любая оппозиция: и левая, и правая»⁷⁰.

Стремясь доказать в своей речи на декабрьском Пленуме ЦК ВКП (б) 1936 года, что Бухарин знал о террористических замыслах партий-

⁶⁷ Протокол допроса участника контрреволюционной террористической организации правых Е.Ф. Куликова. 30 ноября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 259. Л. 34.

⁶⁸ Стенограмма заседания Пленума ЦК ВКП (б). 4, 7 декабря 1936 г. // Декабрьский Пленум ЦК ВКП (б) 1936 года. Документы и материалы. М., 2017. С. 41.

⁶⁹ Там же. С. 42.

⁷⁰ Протокол допроса Сосновского Льва Семеновича от 14–15–16 ноября 1936 года // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 258. Л. 48–49.

ной оппозиции, Ежов привел его высказывание о «платформе Рютина», переданное на допросе Л.С. Сосновским. Ведь она, говорил лидер правых согласно показаниям Сосновского, «с первой до последней строки прямо, полным голосом, мотивирует необходимость насильственного устранения Сталина и доказывает, что мирное устранение Сталина невозможно. В рютинской платформе не произнесено только само слово террор. Но в этом и не было надобности, он вытекал сам собой»⁷¹.

Под «платформой Рютина» или «рютинской платформой» в документах НКВД подразумевалось составленное летом 1932 года видным большевиком М.Н. Рютиным⁷² в объеме приблизительно 10–

---

⁷¹ Там же. Л. 49.

⁷² *Мартемьян Никитич Рютин* (1890–1937) являлся членом РСДРП с 1914 г. На видную роль в большевистской партии он выдвинулся во время гражданской войны, проявив себя умелым организатором борьбы с колчаковским режимом. В 1925–1928 гг. занимал пост секретаря Краснопресненского райкома ВКП (б) гор. Москвы и вел активную борьбу с партийными группировками Троцкого, Зиновьева и Каменева, поддерживая тем самым Сталина и его сторонников. Проходивший в декабре 1927 г. XV съезд ВКП (б) избрал М.Н. Рютина кандидатом в члены ЦК. С развертыванием в начале 1928 г. Руководством ВКП (б) курса на ускоренную индустриализацию Рютин, будучи убежденным в пагубности такой политики, перешел в оппозицию к Сталину. В октябре 1928 г. он был снят с поста секретаря Краснопресненского райкома. Некоторое время работал зам. редактора «Красной звезды», затем был назначен Политбюро на должности председателя Кинообъединения, члена президиума ВСНХ и члена коллегии Наркомата просвещения (Протокол № 118 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1930 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 777. Л. 7). 23 сентября 1930 г. Рютин решением Центральной контрольной комиссии ВКП (б) был исключен из партии «за предательски-двурушническое поведение в отношении партии и за попытку подпольной пропаганды правооппортунистических взглядов, признанных XVI съездом несовместимыми с пребыванием в партии». Поводом для обвинения Мартемьяна Никитича в этих прегрешениях стал донос его знакомого по работе в Краснопресненском райкоме партии бывшего троцкиста А.С. Немова. Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило решение ЦКК (Протокол № 11 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 октября 1930 г. / РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 799. Л. 7). 13 ноября Рютин был арестован ОГПУ по обвинению в контрреволюционной агитации и пропаганде, но 17 января 1931 г. Коллегия ОГПУ признала это обвинение недоказанным и освободила его.

После освобождения из-под ареста Рютин был принят на должность экономиста в «Союзсельэлектро». В августе 1932 г. Мартемьян Никитич предпринял попытку с группой своих единомышленников среди «старых большевиков» создать подпольную организацию «Союз марксистов-ленинцев» для борьбы с политикой Сталина и его «клики». Предварительно им был написан пограммный документ этой организации «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», а также воззвание «Обращение ко всем членам ВКП (б)»¹⁵ сентября 1932 г. все члены этой организации были на основании доноса двух большевиков, узнавших о ее существовании, арестованы. 11 октября того же года Коллегия ОГПУ приговорила их к различным срокам заключения и ссылки. М.Н. Рютину было назначено самое большое наказание — 10 лет тюремного заключения.

12 машинописных страниц «Обращение ко всем членам ВКП (б)». Оно задумывалось в качестве воззвания подпольной организации «Союз марсистов-ленинцев», которая создавалась в то время Рютиным и его единомышленниками для борьбы со Сталиным. Сам же Рютин называл «платформой» «Союза марсистов-ленинцев» написанное им в период с марта по июль 1932 года программное произведение «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», занимавшее, в зависимости от размера шрифта и плотности текста, от 150 до 200 с небольшим машинописных страниц. Текст этой работы, написанный Рютиным от руки на листах школьной тетради⁷³, вместе с машинописной копией в 167 страниц и пятнадцатистраничным машинописным текстом «Обращения ко всем членам ВКП (б)» был обнаружен следователями ОГПУ в огороде у дома соратника Рютина П.А. Сильченко закопанным в железной банке 15 октября 1932 года⁷⁴, то есть через четыре дня после вынесения Рютину приговора коллегией ОГПУ. Если бы тайник нашли раньше, вряд ли Рютин мог бы рассчитывать на присужденные ему всего лишь 10 лет тюремного заключения.

Явно и настойчиво проявлявшееся в ходе подготовки судебного процесса над Бухариным и другими лидерами правой оппозиции стремление связать обвиняемых с «манифестом Рютина» является одной из главных тайн бухаринского судебного дела.

Во-первых, и Бухарин, и Рыков, и Томский с Углановым характеризовались в указанном документе крайне отрицательно. Любые утверждения об их участии в его составлении уже по одной этой причине не могли не казаться весьма сомнительными. *Во-вторых*, текст «рютинского манифеста», если кому и был хорошо известен, то лишь весьма узкому кругу персон, входивших в руководящие органы ВКП (б) и Советского государства. Поэтому приписывание лидерам правой оппозиции участия в его составлении не имело большого значения для дискредитации их в широкой партийной среде и в

⁷³ Исследователям до сих пор неизвестно, где хранится рукопись трактата Рютина «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и сохранилась ли она вообще. Поэтому о ее содержании приходится судить по копии, изготовленной в ОГПУ.

⁷⁴ Подробнее об этом см.: *Борщаговский А.М.* Мартемьян Рютин — социальный мыслитель // Вестник АН СССР. 1991. № 1. С. 80–84.

общественном мнении. *В-третьих*, содержание «рютинского манифеста» являлось настолько опасным для правящей группировки и прежде всего для Сталина, что казалось бы в их интересах хранить в полной тайне само существование этого документа и уж во всяком случае не напоминать о нем в рамках дела, готовившегося к публичному судебному разбирательству.

Рютин к этому времени уже четыре года пребывал в заключении и не только его «манифест», но и сам он был основательно подзабыт. Однако с началом целенаправленного расследования в отношении Бухарина и других лидеров правой оппозиции нарком внутренних дел Н.И. Ежов обратил внимание Сталина на дело Рютина. 9 сентября 1936 года в письме к Сталину, пребывавшему в то время в Сочи, он, описав обстоятельства самоубийства М.П. Томского, счел необходимым сообщить: «В свете последних показаний арестованных роль правых выглядит по-иному. Ознакомившись с материалами прошлых расследований о правых (Угланов, Рютин, Эйсмонт, Слепков и др.), я думаю, что мы тогда до конца не докопались. В связи с этим я поручил вызвать кое-кого из арестованных в прошлом году правых... Во всяком случае, есть все основания предполагать, что удастся вскрыть много нового и по-новому будут выглядеть правые и в частности Рыков, Бухарин, Угланов, Шмидт и др.»⁷⁵ Заняв пост наркома внутренних дел вместо Г.Г. Ягоды Ежов распорядился о проведении доследования по делу Рютина. В начале октября Мартемьян Никитич был доставлен из Суздальского политизолятора, где отбывал заключение, в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму НКВД. Возникает вопрос, зачем понадобилось Ежову выводить Рютина и написанное им программное антисталинское произведение из забвения при подготовке судебного процесса над Бухариным?

Документы следственных действий НКВД в отношении Бухарина, стенограммы декабрьского 1936 года и февральско-мартовского 1937 года пленумов ЦК ВКП (б), на которых решалась судьба Бухарина и лидеров правой оппозиции, а также материалы судебного процесса над ними показывают, что «рютинская платформа» была важнейшим элементом в конструкции выдвигавшихся против них обвинений.

---

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 729. Л. 84.

Единственным автором этого документа являлся сам Рютин⁷⁶. Родившийся в бедной крестьянской семье, он сумел путем самообразования стать вровень с образованнейшими людьми своего времени: недаром Мартемьян Никитич называл себя «интеллигентным пролетарием»⁷⁷. Однако обвинители приписали создание «рютинской платформы» Бухарину и другим деятелям правой оппозиции. Секретарь ЦК ВКП (б) А.А. Андреев, выступая 25 февраля 1937 года на Пленуме ЦК, уверенно заявил: «Действительные творцы рютинской платформы налицо установлены — это был правый центр в составе Рыкова, Томского, Бухарина, Угланова, Шмидта»⁷⁸. В.М. Молотов в своей речи на этом заседании, назвав «рютинскую платформу» «очень крупным фактом», сказал, что она является платформой «всех троцкистов и правых, всех контрреволюционеров... Тут идея блока на сто процентов выражена: наши разногласия с Троцким — второстепенное дело, прежние идейки Бухарина — тоже дело второстепенное, главное — борьба против Сталина, против партии, против диктатуры пролетариата»⁷⁹. В этой оценке Молотова полностью поддержал и Сталин.

Приписывая создание «рютинской платформы» лидерам правой оппозиции, и Сталин, и Андреев, и Молотов опирались на показания, данные представителями правой оппозиции во время следствия. «Все показывают, — говорил в своей речи на Пленуме вечером 25 февраля 1937 года Л.М. Каганович, — что центр занял террористическую позицию, что центр в 1932 году руководил составлением рютинской

---

⁷⁶ Этот факт убедительно доказан в следующих публикациях: *Борщаговский А.М.* Мартемьян Рютин — социальный мыслитель // *Вестник АН СССР*. 1991. № 1. С. 79-107. № 2. С. 95-113). *Борщаговский А.М.* Так кто же написал «платформу Рютина»? // *Рютин М.Н.* На колени не встану / Сост. Б.А. Старков. М., 1992. С. 260-313.

⁷⁷ Письма М.Н. Рютина к родным, написанные с ноября 1932 г. до мая 1936 г. показывают насколько широк был круг его чтения и какой глубиной мышления он обладал. Рютин свободно читал книги на немецком и английском языках, при этом предпочтение отдавал философско-политической и экономической литературе. См.: «Моя трагедия — трагедия целой эпохи». Из писем М.Н. Рютина родным (1932-1936 гг.) // *Известия ЦК КПСС*. 1990. № 3. С. 169-178.

⁷⁸ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // *Вопросы истории*. 1992. № 8-9. С. 6.

⁷⁹ Там же. С. 26-27.

платформы»⁸⁰. Между тем ни для Сталина и его соратников в руководстве ВКП (б), ни для наркома внутренних дел Ежова, ни для следователей, собиравших материалы для подготовки судебного процесса над Бухариным и другими лидерами правой оппозиции, ни для прокурора СССР Вышинского, направлявшего эту работу, не было в действительности секретом, что документы, названные «рютинской платформой», представляли собой результат творчества одного человека – самого Рютина.

Судебные процессы над бывшими большевистскими вождями были способом борьбы Сталина и его группировки с партийной оппозицией. Поэтому идеологические аргументы имели в них не меньшее, а пожалуй, даже большее значение, чем аргументы юридические. Но Бухарин являлся весьма плодовитым автором, если не сказать графоманом. И в его произведениях можно было найти достаточно высказываний, позволявших обвинить его в отходе от марксизма-ленинизма и тем самым идеологически развенчать в глазах партийной массы. С этой точки зрения не было никакой необходимости приписывать ему участие в создании «рютинской платформы». Очевидно, что дело Рютина оказалось увязанным с делом Бухариным совсем не для того, чтобы продемонстрировать идеологическую несостоятельность лидеров правой оппозиции. Но для чего же тогда на пленумах большевистской партии, решавших их судьбу, Сталиным и его соратниками по партийному руководству настойчиво внушалась членам ЦК ВКП (б) мысль о том, что именно Бухарин и другие лидеры правых, а не Рютин, являлись творцами «рютинской платформы»?

Разгадку этой тайны необходимо искать в политическом поведении Рютина и в содержании его произведений, получивших наименование «рютинской платформы». Мартемьян Никитич являлся, пожалуй, самой интересной фигурой во всей антисталинской оппозиции. Троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы, левые и правые партийные оппозиционеры выступали против политики Сталина и сталинской группировки, занявшей во второй половине 20-х годов

---

⁸⁰ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 26.

господствующее положение в ВКП (б) и в Советском государстве. Но они не подвергали критике само устройство государственной власти, при котором у населения отсутствовали возможности мирным путем, посредством выборов сменить людей, занимающих высшие государственные должности, сформировать новый состав представительных органов. М.Н. Рютин был в оппозиции не только к Сталину и его группировке, он активно выступал также и против Л.Д. Троцкого с его сторонниками, против Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева. Довольно резко Мартемьян Никитич критиковал и Бухарина с его сторонниками. «Но если Бухарин, — писал Рютин, — как теоретик марксизма и ленинизма при всех его ошибках и промахах, при всей его склонности к механическому методу мышления остаётся крупнейшей фигурой, то как политический вождь он оказался ниже всякой критики. Умный, но не дальновидный человек, честный, но бесхарактерный, быстро впадающий в панику, растерянность и прострацию, не способный на серьёзную и длительную политическую борьбу с серьёзным политическим противником, легко поддающийся запугиванию; то увлекающийся массами, то разочаровывающийся в них, не умеющий организовать партийные массы и руководить ими, а наоборот, сам нуждающийся в постоянном и бдительном руководстве со стороны других — таков Бухарин как политический вождь.

Между тем именно в такой момент, как настоящий, когда губится дело Маркса, Энгельса, Ленина, когда Сталин под лживые крики о победах социализма вонзает нож в спину пролетарской революции, — больше, чем когда-либо, прямой обязанностью всех честных подлинных вождей партии является не презренное холуйство перед Сталиным и обман масс, чем занимаются Бухарин, Радек, и даже не молчание, как это делают Рыков, Томский, Угланов и бывшие вожди троцкистской оппозиции, а новая мужественная борьба, не останавливающаяся перед исключением из ЦК, перед исключением из партии и даже перед перспективой ссылки. Именно в этот момент подлинные вожди должны показать себя достойными звания вождей. Не оправдываться мнимой пассивностью масс, не оправдывать своё бездействие отсутствием поддержки со стороны затравленных, задавленных терроризированных, но ищущих руководства для

борьбы со Сталиным партийцев и беспартийных рабочих, а становиться во главе их, руководить ими — такова обязанность подлинных вождей, подлинных ленинцев в настоящее время»⁸¹.

В отличие от всех партийных оппозиционеров М.Н. Рютин критиковал не только политику Сталина, но также саму систему и стиль партийного и государственного руководства, он обрушился на вождизм как принцип организации государственной власти и партийной жизни. Согласно доносу А.С. Немова, имевшего с Рютиным ряд бесед в конце августа 1932 года во время их отдыха в Ессентуках, Мартемьян Никитич ответил на его вопрос: «кого же можно сейчас выбрать генеральным секретарем вместо т. Сталина» следующими словами: «Никаких генеральных секретарей не будет, мы будем настаивать, чтобы управлял коллектив, ибо если будет ген. секретарь, то нет гарантии, что не повторятся те же комбинации и фокусы, которые проводятся Сталиным. Вообще состав Политбюро придется чаще менять, чтобы там не засиживались, ибо в основном нынешний состав ПБ оторван от масс»⁸².

Во время очной ставки с Рютиным В ЦКК ВКП (б) 20 сентября 1930 года Немов повторил сказанное Мартемьяном Никитичем о необходимости коллективного руководства в партии, но в несколько измененном варианте. «Целый ряд вопросов, — сказал Немов, — мне не был ясен, когда он говорил, что Сталина нужно убрать, установить другое коллегиальное руководство, я сказал вообрази, у нас нет более авторитетного человека, завтра Сталин уйдет, кого надо выбрать генеральным секретарем? Он говорит: “Вообще не должно быть генерального секретаря, должно быть коллективное руководство, иначе нет гарантии, что опять не будет таких фокусов и комбинаций, которые сейчас устраивает Сталин и что опять не начнется положение, которое мы имеем сейчас”»⁸³.

---

⁸¹ Рютин М.Н. Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 165.

⁸² Заявление А.С. Немова в ЦК ВКП (б) // Рютин М.Н. На колени не встану. М., 1992. С. 318.

⁸³ Опрос М. Н. Рютина 20 сентября 1930 г. / Публикация И.А. Анфертьева // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 1. С. 219

При ответе в ЦКК ВКП (б) на выдвинутые против него обвинения Рютин назвал их на 99% ложным. Однако содержание написанных им произведений не оставляет сомнений — приведенное в доносе мнение о вредности вождизма и необходимости чаще менять состав Политбюро в полной мере соответствовало его умонастроению.

Так, в «Обращении к членам ВКП (б)» утверждалось: «Права партии, гарантированные Уставом, узурпированы ничтожной кучкой беспринципных политиканов. Демократический централизм подменен личным усмотрением вождя, а коллективное руководство — системой доверенных людей. Центральный Комитет стал совещательным органом при “непогрешимом” диктаторе, а областные комитеты — бесправными придатками при секретарях областкомов. Политбюро, Президиум ЦКК, секретари областных комитетов в результате происходящих изменений в жизни партии и “18 брюмера Сталина” превратились в банду беспринципных, изолгавшихся и трусливых политиканов, а Сталин — в неограниченного и несменяемого диктатора, проявляющего в десятки раз больше тупого произвола, самодурства и насилия над массами, чем любой самодержавный монарх»⁸⁴.

В произведении М.Н. Рютина «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» приведенная мысль была выражена еще в более жесткой формулировке: «Ошибки Сталина и его клики из ошибок переросли в преступления. Политбюро и Президиум ЦКК, секретари областных комитетов превратились в банду беспринципных политиканов и политических мошенников. Они на деле рассматривают партию лишь как свою вотчину. Не они для партии, а партия для них»⁸⁵.

Возобновив в октябре 1936 года расследование дела Рютина, в НКВД обратились не к его попытке создать подпольную большевистскую организацию «Союз марксистов-ленинцев», а именно к текстам написанных им воззвания «Обращение к членам ВКП (б)» и программного произведения ««Сталин и кризис пролетарской диктатуры». 4 ноября 1936 года Мартемьян Никитич

---

⁸⁴ Ко всем членам ВКП (б) // *Рютин М.Н.* На колени не встану / Сост. Б.А. Старков. М., 1992. С. 255.

⁸⁵ *Рютин М.Н.* Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 187.

направил письмо в Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР с жалобой на незаконные и недопустимые методы следствия и стремление НКВД вторично привлечь его к уголовной ответственности за такие действия, за которые ему уже было назначено уголовное наказание. «Я осужден, — напоминал Рютин, — (и приговор до сих пор никем не отменен) и отбыл почти половину своего заключения за всю совокупность своих взглядов, изложенных в “документах”; как бы ни толковать эти “документы” или отдельные их места, за всю совокупность “документов”, вплоть до последней строчки, до последнего слова, до последней буквы, за все это я уже осужден, приговор никем не отменен и новое привлечение меня к ответственности за эти же “документы” или отдельные их места и выражения является явно незаконным, произвольным и пристрастным»⁸⁶.

Рютин умолчал о том, что в октябре 1932 года в распоряжении ОГПУ был текст только одного документа — «Обращения к членам ВКП (б)», на этот же раз следователи вменяли ему в вину создание еще и произведения «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». Но зато обратил внимание на то, что оба документа стали толковаться следователями по-новому. «В настоящее время после отбытия почти пяти лет своего десятилетнего заключения, — сообщал он в Президиум ЦИК СССР — я вновь НКВД привлечен к уголовной ответственности за то, что, во-первых, теперь отдельные места и выражения написанных мною в свое время нелегальных “документов” истолковываются ведущими следствие, как призыв к террору и, во-вторых, что на основе этих документов где-то якобы образовались и раскрыты правые террористические группы»⁸⁷.

По иронии судьбы новое расследование в отношении Рютина стал вести тот же самый следователь Молчанов, который в сентябре и октябре 1932 года. Возглавлял следствие по делу «О так называемом Союзе марксистов-ленинцев». По словам Рютина, Молчанов изучал внимательно все мельчайшие детали его документов и всего дела и не нашел в нем никаких данных для предъявления ему обвинения в

---

⁸⁶ Заявление арестованного М.Н. Рютина, адресованное Президиуму ЦИК СССР. 11 ноября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 254. Л. 63.

⁸⁷ Там же. Л. 62.

терроре и не предъявил его. «А теперь тот же Молчанов по тем же документам или отдельным их местам, за те же действия (распространение документов и его последствия) предъявляет мне обвинение в терроре!»⁸⁸

В заключительной части своего письма Рютин с достоинством уведомлял Президиум ЦИК СССР: «Я, само собой разумеется, не страшусь смерти, если следственный аппарат НКВД явно незаконно и пристрастно для меня ее приготовит. Я заранее заявляю, что я не буду просить даже о помиловании, ибо я не могу каяться и просить прощения или какого-либо смягчения наказания за то, чего я не делал и в чем я абсолютно неповинен»⁸⁹.

Рютин действительно не призывал в своих произведениях к террору. Более того он обвинял сталинскую диктатуру помимо прочего еще и в терроризме: «Режим невиданного террора и колоссального шпионажа, осуществляемых посредством необычайно централизованного и вместе с тем разветвлённого гигантского аппарата, сосредоточившего в своих руках все материальные ресурсы страны и поставившего в прямую зависимость от себя физическое существование десятков миллионов людей, — вот главная основа диктатуры Сталина»⁹⁰.

Несмотря на это надо признать, что ключевые выводы главного своего труда «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» Рютин сформулировал таким образом, что дал возможность истолковать их в качестве призыва к террору. Он писал, в частности: «Но, зайдя в безвыходный тупик и установив во всей стране в самых разнообразных формах господство террора, Сталин отрезал себе и всякие пути для отступления и эволюционного выхода из кризиса. Он возвёл себя на пьедестал непогрешимого папы и не может признать не только преступности своей политики, но и малейшей своей ошибки. Диктатор не может ошибаться — ошибаются только его подчинённые. Устранение Сталина и его клики нормальными демократическими методами, гарантированными Уставом партии и Советской

---

⁸⁸ Там же. Л. 65.

⁸⁹ Там же. Л. 68.

⁹⁰ Рютин М.Н. Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 193.

Конституцией, таким образом, совершенно исключено. Они всякими предложениями, с оружием в руках, пушками и пулеметами будут защищать от партии и страны свое господство... При таком положении вещей у партии остаётся два выбора: или и дальше безропотно выносить издевательства над ленинизмом, террор и спокойно ожидать окончательной гибели пролетарской диктатуры, или **силою устранить эту клику** и спасти дело коммунизма»⁹¹.

Слова «силою устранить эту клику» Рютин выделил особо, но именно они и дали повод обвинить его в призыве к террору против руководства партии и страны. Из дальнейшего изложения было очевидно, что под словами «силою устранить» им совсем не подразумевалось физическое уничтожение властвовавших персон — он имел в виду лишь отстранение их от власти какими-либо насильственными способами (посредством государственного переворота или массовых протестных выступлений трудящихся).

Задавшись вопросом, допустима ли такая реакция на вырождение пролетарской партии и диктатуры пролетариата с точки зрения марксизма-ленинизма, Рютин уверенно отвечал: «Не только допустима, но и бесспорно правильна. Преступно, вредно, губительно для пролетариата и его партии силой устранять свои руководящие партийные и советские органы, если они ведут правильную ленинскую политику и выражают волю партийных и беспартийных масс. И, наоборот, следует считать прямой обязанностью всякого честного большевика и беспартийного рабочего борьбу за насильственное устранение органов тогда, когда они ведут антиленинскую и губительную для пролетарской диктатуры политику, когда они превратились в клику, не выражают воли масс и в то же время, опираясь на аппарат, не допускают их смены нормальными методами, предусмотренными Уставом партии и Советской Конституцией»⁹².

Рютин сформулировал в своих произведениях идеологию борьбы с оторвавшейся от народа, безраздельно и неограниченно властвующей партийной и государственной бюрократией. Он

---

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

открыто заявил, что правящая группировка, монополизировавшая государственную власть, превратившая ее в орудие осуществления собственных эгоистических интересов, представляет для государства значительно более серьезную опасность, нежели те угрозы, которые несут для него меры по насильственному свержению данной правящей группировки.

Политическая платформа с таким идейным содержанием оказывалась для советской партийной и государственной бюрократии намного опаснее, чем любая другая платформа — левая или правая, троцкистская, зиновьевская или бухаринская.

Разворачивая подготовку судебного процесса над лидерами правой оппозиции, Сталин ясно понимал, что подвергнуть репрессиям политических деятелей столь высокого ранга он сможет лишь в том случае, если добьется одобрения этого шага со стороны окружающих его партийных и государственных сановников, членов Центрального комитета ВКП (б). Приписывая создание «рютинской платформы» Бухарину и другим лидерам правых, Сталин и его соратники облегчали себе решение этой задачи.

4

2 декабря 1936 года в «Правде» было напечатано Постановление Чрезвычайного VIII съезда Советов по докладу И.В. Сталина о проекте Конституции СССР. Данный проект одобрялся и принимался за основу. Одновременно объявлялось о создании редакционной комиссии в составе 200 человек «для рассмотрения внесенных поправок и дополнений и установления окончательного текста Конституции Союза ССР»⁹³. Полный ее состав был опубликован на первых двух страницах газеты «Правда». В нем отсутствовала фамилия Н.И. Бухарина, принимавшего активное участие в разработке проекта Конституции СССР.

Николай Иванович был чрезвычайно этим встревожен и в тот же день обратился к Сталину. «Дорогой Коба, пишу после того, как прочитал решение о составе ред. Комиссии, — так начал он свое письмо. — Изю всех фактов, касающихся так или иначе моей персоны,

---

⁹³ Правда. 1936. № 331 (6937). 2 декабря. С. 1.

а именно: 1) из того, что в редакции “Известий”, несмотря на все мои апелляции, писать мне фактически не было разрешено, да и другие функции запирались на замок; 2) из опубликованной в “Правде”, в отношении меня неверной и глубоко задевающей мою политическую честь заметки о делах в Акад. Наук (на основании коей заметки ряд иностранных газет уже пишут о моем аресте); 3) из формулы в одной статье “Правды” о правых, бывших в руководстве, как о “лютых врагах народа”»; 4) из самого факта невведения меня в состав редакц. Комиссии по Конституции и т.д. — я не могу не сделать вывода о предстоящем моем снятии с “Известий» и — что является самым главным и самым существенным — о существующем касательно меня недоверии у руководства партии»⁹⁴.

Паника, в которую Бухарин впал после того, как обнаружил, что его не включили в состав редакционной комиссии по доработке текста новой Конституции СССР, показывает, что он догадался, какая печальная участь ему готовится, но не мог понять, как ее избежать.

Ради своего спасения Бухарин отрекся от всех своих молодых сторонников, которых повел когда-то за собой и которые сохраняли свою приверженность ему даже в то время, когда Сталин нещадно его критиковал. Многие из них были еще в 1933 году приговорены к различным срокам заключения (от 2-х до 8-ми лет) и ссылке за инкриминированное им участие в «контрреволюционной организации правых, ставившей своей целью активную борьбу с Советской властью и восстановление капиталистического строя в СССР» и проведение «активной контрреволюционной деятельности и контрреволюционной агитации, направленной в интересах международной буржуазии»⁹⁵. В октябре и ноябре 1936 года против «молодых бухаринцев» были возбуждены новые уголовные дела по указанным обвинениям. Позднее 30 человек из них по приговорам

⁹⁴ Письмо Н.И. Бухарина И.В. Сталину от 2 декабря 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 259. Л. 1. Здесь и далее воспроизводятся подчеркивания, сделанные в оригинале письма самим автором.

⁹⁵ См. справку Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «О так называемой “Антипартийной контрреволюционной группе правых Слепкова и других (“Бухаринская школа”)”» в журнале: Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 32–48.

Военной коллегии Верховного суда и областных «троек» УНКВД были расстреляны⁹⁶.

Бухарин снял с себя какую-либо причастность к судьбе своих соратников и учеников, хотя эти люди подвергались репрессиям именно за то, что поддерживали его. «Будущего контрреволюционного “развития” группы молодых я не мог предполагать»⁹⁷, — уверял он Сталина. «Я встречался с рядом арестованных теперь лиц как с работниками Академии и партийцами. Мне и в голову не приходило, что они — конспираторы, да еще такого гнусного типа»⁹⁸. «Я могу признать, что я (как и все прочие в Акад. Наук) оказался недостаточно прозорливым. Но я всемерно и решительно протестую против всех и всяких, хотя бы малейших, подозрений о какой бы то ни было близости к подпольной идеологии и деятельности фашистских негодяев»⁹⁹.

Мартемьян Рютин характеризовал Бухарина как человека бесхарактерного, быстро впадающего в «панику, растерянность и прострацию». В письме к Сталину, написанном 2 декабря 1936 года, Николай Иванович проявил эти качества в полной мере. Предавая своих сторонников, бывший большевистский вождь, о котором Ленин в своих завещательных заметках писал, что он «законно считается любимцем партии», вместе с тем жаловался Сталину, что испытывает тяжкие моральные страдания от недоверия к нему товарищей по партии. «Я прошу понять.., — исповедовался он, — то, что приходится испытывать теперь, есть не что иное, как перманентная моральная казнь. Человеку, для которого вся жизнь в служении движению, создается чуть ли не репутация врага; человеку, который предан партии до последней капли крови, приходится бояться, как затравленному, косых взглядов товарищей; человек, который радуется всем существом широким путям и перспективам, вынужден жить в атмосфере недоверия и подозрений, тогда как самая мысль об этом

---

⁹⁶ Там же. С. 47.

⁹⁷ Письмо Н.И. Бухарина И.В. Сталину от 2 декабря 1936 г. Л. 4.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. Л. 5.

кажется ему чудовищным, смертельным оскорблением. Эта перманентная моральная казнь должна иметь какие-то пределы»¹⁰⁰.

Бухарин в письме дважды назвал свое душевное состояние словами «перманентная моральная казнь» и дважды их подчеркнул. Что хотел он внушить этим Сталину? Для чего написал ему это письмо? Вряд ли даже сам Бухарин мог бы ответить на такие вопросы. В конце своего послания Николай Иванович признал, что поверить ему трудно в условиях, «когда большие, невиданные еще, негодяи отравили всю атмосферу и создали необходимость громадного (спасительного!) недоверия», но тем не менее призвал Сталина поверить ему, а не клеветникам. «Я понимаю, что перед вами прошли десятки писем, аргументов, сцен, клятв — и все оказалось театром и ложью. Но из того, что другие лгали, не следует, что я тоже лгу»¹⁰¹, — простодушно заявил он.

Через два дня после того, как Бухарин написал это письмо, открылся Пленум ЦК ВКП (б). Состоялось всего два его заседания, 4 и 7 декабря, на которых был рассмотрен вопрос об утверждении окончательного текста новой Конституции СССР, а также заслушан и обсужден доклад наркома внутренних дел Н.И. Ежова «Об антисоветских троцкистских и правых организациях». Стенограмма указанных заседаний, хранившаяся в архиве, была долгое время недоступной исследователям. Отдельные ее фрагменты впервые были опубликованы лишь в 1995 году¹⁰², а полный текст вышел только в 2017 году. Между тем обсуждение на этом Пленуме вопроса о Н.И. Бухарине и А.И. Рыкове было необходимым этапом в подготовке открытого судебного процесса над ними. Материалы Пленума раскрывают технологию осуществления политических репрессий в отношении лидеров правой оппозиции, которые в конце 20-х годов вели борьбу не только против Сталина, но и против Троцкого.

Все члены ЦК присутствовали на состоявшемся днем ранее заседании редакционной комиссии, поэтому окончательный текст Конституции на заседании Пленума не зачитывался и после

---

¹⁰⁰ Там же. Л. 2–3.

¹⁰¹ Там же. Л. 7.

¹⁰² См.: Фрагменты стенограммы декабрьского Пленума ЦК ВКП (б) 1936 года // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 3–22.

нескольких замечаний и реплик был единогласно утвержден. После этого слово было предоставлено Н.И. Ежову. Он сообщил, что в последнее время арестованы сотни троцкистов и зиновьевцев (на Украине — 400 человек, в Западной Сибири — 120, в Азово-Черноморском регионе — свыше 200, в Грузии — свыше 300, в Ленинграде — свыше 400, в Свердловске — свыше 100)¹⁰³. При этом им было отмечено, что больше половины этих арестованных ранее подвергалось репрессиям «за различного рода контрреволюционные преступления против советской власти»¹⁰⁴.

Изложив Пленуму составленную в НКВД справку о «террористической», «вредительской» и «шпионской» деятельности троцкистов и зиновьевцев, Ежов заговорил о контрреволюционных настроениях правых. И сразу же назвал фамилию Бухарина. «Товарищи, — сказал нарком внутренних дел, — вам известно, что еще на следствии Зиновьев дал показания о том, что правые, то есть, по крайней мере, насколько он был осведомлен, это Рыков, Томский, Бухарин и Угланов, целиком разделяли установки троцкистско-зиновьевского блока и были осведомлены об этом»¹⁰⁵. Опираясь на показания находившихся под арестом партийных деятелей, входивших в конце 20-х годов в состав троцкистской и правой оппозиции, Ежов постарался убедить Пленум в том, что Бухарин и другие лидеры правых в своей оппозиционной борьбе фактически соединились с троцкистско-зиновьевским блоком. «Лично у нас, — заявил он в конце своего выступления, — не осталось никакого сомнения — и у меня, и у товарища Кагановича, когда мы устраивали очную ставку т. Рыкову и т. Бухарину и другим членам центра правых, не осталось никакого сомнения в том, что правые были осведомлены о террористической деятельности, были осведомлены в том, что троцкисты перешли к террору; не только были осведомлены, но и сочувствовали им»¹⁰⁶.

Бухарин как будто совсем не ждал таких заявлений. После первых же обвинений Ежова в свой адрес он в растерянности поднялся и

---

¹⁰³ Стенограмма заседания Пленума ЦК ВКП (б). 4, 7 декабря 1936 г. // Декабрьский Пленум ЦК ВКП (б) 1936 года. Документы и материалы. М., 2017. С. 21–22.

¹⁰⁴ Там же. С. 20.

¹⁰⁵ Там же. С. 41.

¹⁰⁶ Там же. С. 44.

подошел к президиуму: «Позвольте, пожалуйста, мне слово». Но выступить ему дали только после перерыва в заседании Пленума, объявленного по завершении речи Ежова.

Во время перерыва, длившегося несколько минут, к Бухарину подошел Рыков. «Надо мобилизовать все силы для борьбы с клеветой», — сказал он. «Одна надежда — переубедить Сталина, иначе ничего не получится», — заметил Бухарин. «Николай! Ты ошибаешься, надо, чтобы нам поверили члены Политбюро и члены ЦК — пошли против Кобы», — тихо шепнул ему в ответ Рыков¹⁰⁷. Ход последующих событий разбил вдребезги надежды и Бухарина, и Рыкова.

По окончании перерыва слово было предоставлено Бухарину. «Товарищи, — начал он свое выступление, — говорить мне сейчас более чем тяжело, ибо, может быть, я последний раз говорю перед вами». После таких слов для соратника Ленина было бы естественным сразу отвергнуть в самых резких выражениях прозвучавшие в его адрес обвинения. Но Бухарин вдруг заговорил о том, что всем членам партии сейчас необходимо преисполниться бдительностью и помочь соответствующим органам до конца истребить «ту сволочь, которая занимается вредительскими актами и всем прочим»¹⁰⁸. А потом сказал то, что в его положении было абсолютно неуместным: «Я счастлив тем, что всю эту историю вскрыли до войны, и что наши органы в состоянии вскрыть всю эту гниль до войны, для того, чтобы мы из войны вышли победоносно, потому что если бы это вскрыли не до, а во время войны, это принесло бы совершенно исключительные и тяжелейшие поражения всему делу социализма»¹⁰⁹.

Бухарину действительно было трудно говорить: члены ЦК не упускали случая вопросами, репликами, смехом, криками возмущения продемонстрировать ему свою враждебность. Но постепенно он все же пришел в себя и стал защищаться. Он сказал, что никогда не отрицал, что в 1928–1929 годах вел оппозиционную борьбу против партии, но ни тогда ни после «ни о каких... общих установках, ни о

---

¹⁰⁷ Этот короткий обмен мнениями между Бухариным и Рыковым описала в своих мемуарах со слов Бухарина его вторая супруга Анна Ларина. См.: *Ларина (Бухарина) А. Незабываемое*. М., 1989. С. 315.

¹⁰⁸ Там же. С. 46.

¹⁰⁹ Там же.

каких платформах, ни о каких целях абсолютно ни одного атома представления не имел!» А теперь ему бросается обвинение, что он об этом знал, что он в этом участвовал, что лез в правительство. «Неужели вы думаете, — спросил Бухарин членов ЦК, — что я такой человек? Неужели вы думаете, что я могу иметь что-нибудь общее с этими диверсантами, с этими вредителями, с этими мерзавцами после тридцати лет моей жизни в партии и после всего..? Ведь это просто сумасшествие какое-то»¹¹⁰.

Глядя на членов ЦК, слушая их реплики, Николай Иванович вдруг осознал, что над ним вершится настоящий суд и стал говорить как должно говорить обвиняемому именно на суде, а не на партийном собрании: «Я в 1928-29 годах нагрешил очень против партии. Это я знаю. Хвосты эти тянутся до сих пор. Часть людей, которые тогда шли со мной, эволюционировали бог знает куда. Я этого не знаю, но я этого теоретически не исключаю. Но как же, товарищи, докажите¹¹¹ мне, что я с ними какую-то связь держал, что я им какие-то директивы давал, ведь ни единого слова! Докажите, что я на каких-то центрах был, что я какую-то платформу вырабатывал, с кем-то виделся, что я в какое-то правительство лез, что я с какими-то иностранцами имел дело! Этого ничего нет. Кто-то сказал. Хоть десять человек, хоть сто человек сказали! Если они ведут такую политическую игру, что они иных топят, а себя выгораживают, что они в своих интересах порочат других, то разве можно им верить? Почему им не навредить партии и с другого конца, чтобы целый ряд честных людей потопить и вбить им крюки в голову? Почему, скажите?»¹¹² — вопрошал он. Шум в зале был ответом Бухарину на его неожиданный для обвинителей выпад.

Больше всего Бухарина задело прозвучавшее на Пленуме утверждение о том, что он знал о терроре и был каким-то образом в нем виновен. Поэтому Николай Иванович настойчиво просил проверить показания, на которых это обвинение строилось.

С такой же просьбой обратился и А.И. Рыков, выступавший на Пленуме после Бухарина. «Но я, собственно, поднялся на эту трибуну исключительно и только для того, — заявил он, — чтобы и на

---

¹¹⁰ Там же. С. 48.

¹¹¹ Так в стенограмме. — *В.Т.*

¹¹² Там же. С. 49.

основании того, что сказано т. Сталиным, и на основании всего, что здесь говорилось, мне дали те очные ставки, ту проверку документов, проверку показаний и те возможности защиты, которые собственно обязательны всегда, но в данном случае они обязательны больше, чем когда бы то ни было. Ведь речь идёт не о шутке, речь идёт о том, являюсь ли я предателем по отношению к государству, по отношению к партии, по отношению к революции, являюсь ли я фашистом или нет. Потому что середины тут не может быть»¹¹³. Он заверил, что лично сделает все, что в его силах и даже больше для того, чтобы этого пятна, этого подозрения не было, потому что жить с этим тяжело. Заканчивая свое выступление, Алексей Иванович повторил: «И я буду доказывать, буду кричать о том, что тут есть оговор, есть ложь, есть чёрная клевета с начала до конца. Я фашистом никогда не был, никогда не буду, никогда не прикрывал и прикрывать их не буду. И это я докажу»¹¹⁴.

Выступавший на Пленуме после Рыкова первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП (б) Р.И. Эйхе призвал не отправлять троцкистов в ссылку, а расстреливать. Говоря же о лидерах бывшей правой оппозиции, он категорично заявил: «Бухарин нам правды не говорил. Я скажу резче. Бухарин врет нам»¹¹⁵. Финал речи Эйхе звучал как смертный приговор как смертный приговор: «Я считаю, что Бухарина и Рыкова надо вывести из состава ЦК, исключить из партии и предать суду»¹¹⁶.

В.М. Молотов не требовал расправы над лидерами правых, но недоверие к ним выразил достаточно убедительно. «Ни бухаринским слезам, ни дрожащему голосу Рыкова, — сказал он в начале своей речи, — я пока что верить не могу, потому что достаточно я начитался за ряд лет материалов о следствии по делу троцкистов и правых»¹¹⁷. Закончил же выступление Молотов словами, обращенными к Бухарину и Рыкову: «Но вы должны показать, что вы действительно не на словах, а на деле стоите на той линии, за которую борется

---

¹¹³ Там же. С. 64.

¹¹⁴ Там же. С. 65.

¹¹⁵ Там же. С. 67.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

партия. А у меня есть сомнение — не остались ли вы на прежних позициях, на позициях буржуазной демократии»¹¹⁸.

Член Политбюро ЦК ВКП (б), секретарь ЦК КП (б) Украины С.В. Косиор, сказав в начале своего выступления о том, что есть основания не доверять Бухарину, закончил речь тем, что объявил Бухарина и Рыкова виновными и призвал их «дать соответствующие показания»¹¹⁹.

Л.М. Каганович, выступавший на заседании Пленума 4 декабря 1936 года последним, был в осуждении лидеров правых предельно бескомпромиссен. «Товарищи, — начал он, — речи Рыкова и Бухарина... скорее похожи на последнее слово подсудимых на суде, чем на речи на Пленуме Центрального Комитета партии. Надо же понимать, что здесь на чувства жалости действовать нельзя»¹²⁰. Каганович не выносил обвиняемым приговора, но то, что он со свойственной ему категоричностью говорил о них, предполагало самый суровый вердикт. «Факты можно считать установленными, — объявил он, — что Бухарин солидаризовался целиком с платформой троцкистско-зиновьевской банды»¹²¹. После этих слов в зале раздались одобрительные голоса членов ЦК.

Казалось бы, участь Бухарина и Рыкова будет решена на этом Пленуме. Однако этого не произошло. После выступления Кагановича Молотов, который вел заседание Пленума, объявил: «Товарищи, сейчас начало одиннадцатого. Есть предложение сегодняшнее заседание прекратить и перенести заседание Пленума на 7-е число. Завтра съезд¹²². После завтра, вероятно, будет демонстрация в Москве по случаю принятия Конституции, значит, перенесем заседание на 7-е число на 3 часа дня»¹²³. Это предложение было принято.

Придя после заседания Пленума домой, Бухарин с порога взволнованно сообщил своей супруге Анне Лариной: «Познакомься!

---

¹¹⁸ Там же. С. 72.

¹¹⁹ Там же. С. 78.

¹²⁰ Там же. С. 83.

¹²¹ Там же. С. 90.

¹²² Имеется в виду Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов, проходивший с 25 ноября по 5 декабря 1936 г.

¹²³ Там же. С. 93.

Твой покорнейший слуга — предатель-террорист-заговорщик!» Не имея сил успокоить свою душу, он рассказал, что происходило на Пленуме. Этот рассказ слышала и проживавшая в квартире Бухарина его двоюродная сестра Н.М. Лукина, с которой он состоял в браке с 1911 до 1921 года. Надежда Михайловна немедленно села писать письмо Сталину, чтобы защитить Николая Ивановича. «Дорогой Иосиф Виссарионович! Пришел с Пленума ЦК Н.И. Бухарин и рассказал, в каких чудовищных вещах он обвиняется, больше того, он рассказал, что ответственные товарищи говорили ему, что не верят ни одному его слову. Стынет кровь в жилах, но я пишу Вам, чтобы сказать, что он не виноват ни в чем подобном тому, что на него показывает целый ряд лиц, — не знаю чем к тому побуждаемых и не знаю, почему вызывающих большее доверие к своим словам, чем слова Н.И-ча. Знаю, что у Н.И. не было ни тени, тени намека даже на подобные настроения никогда. Я знаю Н.И. с 4-х лет, а, следовательно, и с начала его революционного пути, знаю его преданность пролетариату и партии (субъективно — даже когда он ошибался), знаю, что самому существу его совершенно чужды такого рода методы политической борьбы, и всегда он их считал величайшим преступлением»¹²⁴.

Письмо было всего на полстраницы — Надежда Михайловна ничего не доказывала, а просто высказывала свое мнение о Бухарине, но высказывала его предельно твердо — как истину, не требующую подтверждения. И в конце своего письма она ничего не просила, но с достоинством сообщила Сталину: «Я собираю остатки сил и пишу Вам, — так как я — не фаталистка, и я не могу поверить, что в стране пролетарской диктатуры, родной и дорогой мне, возглавляемой Вами и другими товарищами, может совершаться неправо дело по отношению к абсолютно невиновному в возводимых на него обвинениях человеку. Это побуждает меня сказать о Н.И-че то, что я знаю. С коммунистическим приветом Н. Лукина-Бухарина»¹²⁵.

Надежда Михайловна не могла не сознавать, что обвинения, брошенные в адрес Бухарина публично, наркомом внутренних дел, да

¹²⁴ Письмо Н.М. Лукиной-Бухариной И.В. Сталину. 4 декабря 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 259. Л. 160.

¹²⁵ Там же. Л. 161.

еще и на Пленуме ЦК ВКП (б), означали, что процесс подготовки судебной расправы над ним уже прошел стадию, на которой трагедию можно было предотвратить.

В НКВД перерыв между заседаниями Пленума ЦК ВКП (б) использовали для сбора новых показаний арестованных о Бухарине.

30 ноября 1936 года пребывавший в заключении бывший активный участник правой оппозиции Е.Ф. Куликов дал на допросе в 1-ом отделении СПО ГУГБ НКВД¹²⁶ показание о том, что террористической работой в контрреволюционной организации правых непосредственно ведал А.И. Рыков¹²⁷. При этом Куликов сообщил, что в 1934 году ему стало известно от руководителя боевой организации правых Афанасьева, что Рыков предлагал руководителю московского центра правой оппозиции Котову «употребить все усилия организации для убийства Сталина»¹²⁸.

6 декабря 1936 года Е.Ф. Куликов был снова вызван на допрос в СПО ГУГБ НКВД. Как оказалось, следователей на этот раз интересовал только вопрос о его разговорах с Бухариным.

— В своих предыдущих показаниях вы утверждали, — спросил Егора Федоровича следователь, — что последнюю встречу с Бухариным Н.И. вы имели в конце 1929 года. Вы настаиваете на этих показаниях?

— Нет, не настаиваю, — ответил Куликов. — Мои предыдущие показания по этому вопросу не являются исчерпывающими, ибо как я теперь вспомнил, я встречался с Бухариным и после 1929 года.

— Когда именно.

— Я имел еще одну встречу с Бухариным в 1932 году¹²⁹.

Куликов рассказал, что встретил Бухарина в мае 1932 года, когда шел по улице Герцена¹³⁰. Разговаривая, они дошли до

¹²⁶ СПО ГУГБ — Секретно-политический отдел Главного управления государственной безопасности.

¹²⁷ Протокол допроса участника контрреволюционной террористической организации правых Е.Ф. Куликова. 30 ноября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 259. Л. 37

¹²⁸ Там же. Л. 39.

¹²⁹ Протокол допроса участника контрреволюционной террористической организации правых Е.Ф. Куликова. 6 декабря 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 260. Л. 9.

¹³⁰ В настоящее время эта улица называется Большой Никитской.

Александровского сада и здесь, прогуливаясь вдоль него по тротуару, Егор Федорович якобы заявил Николаю Ивановичу в резкой форме, что рядовые участники московской организации требуют от союзного центра правой оппозиции «перехода к решительным действиям по отношению к руководству ВКП (б)»¹³¹. Бухарин же вместо ответа спросил: «А что у вас есть, есть ли у вас нужные кадры боевых, решительных людей, покажите мне их»¹³². Куликов сообщил Бухарину, что такие кадры есть и назвал конкретные фамилии. Тогда Бухарин якобы сказал, по показанию Куликова: «Ну что ж в таком случае действуйте, для нас ясно, что Сталин сам не уйдет, его надо убрать»¹³³. Далее в протоколе допроса Куликова записаны следующие его слова: «Таким образом Бухарин лично мне подтвердил директиву союзного центра, ранее полученную через Угланова о необходимости перехода к наиболее решительным средствам в борьбе с руководством ВКП (б), о необходимости убийства Сталина»¹³⁴.

Направляя данный протокол Сталину в ночь с 6-го на 7-е декабря, нарком внутренних дел Ежов написал в сопроводительном письме: «Куликов показал, что в 1932 году им лично была получена от Бухарина Н.И. директива о необходимости убийства тов. Сталина»¹³⁵.

Это показание Куликова на Бухарина появилось удивительно вовремя, что уже само по себе вызывает предположение о его сфабрикованности. Последовавшее смягчение Сталиным участи Куликова лишь усиливает данное подозрение. 15 мая 1937 года Ежов представил на утверждение Политбюро ЦК ВКП (б) предложенные меры наказания для участников правой оппозиции, дела которых передавались в военную коллегия Верховного суда СССР. Фамилия Куликова стояла в списке первой — «расстрельной» — категории. Сталин красным карандашом начертил ему наказание в виде 10 лет заключения в исправительно-трудовом лагере, которое и было

¹³¹ Протокол допроса Е.Ф. Куликова. 6 декабря 1936 г. Л. 2.

¹³² Там же. Л. 3.

¹³³ Там же. Л. 3.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Сопроводительное письмо Н.И. Ежова секретарю ЦК ВКП (б) И.В. Сталину к протоколу допроса Е.Ф. Куликова от 6 декабря 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 260. Л. 8.

назначено судьями¹³⁶. Между тем на допросах Егор Федорович признавался в том, что весной 1932 г. хотел самолично убить секретаря ЦК ВКП (б) Кагановича.

7 декабря 1936 года, до начала второго заседания Пленума в ЦК ВКП (б) в присутствии Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Микоян, Орджоникидзе, Андреева, Жданова и Ежова состоялись три очные ставки Бухарина арестованными, давшими против него показания: Куликовым, Сосновским и Пятаковым. Они заняли все вместе четыре часа.

Куликов повторил во время очной ставки то, что говорил о майской 1932 года встрече с Бухариным на допросе днем ранее, с небольшими, несущественными отличиями: «Я сказал Николаю Ивановичу, что нас, членов московского центра, жмут участники организации, требуя перехода к решительным действиям против ЦК партии, подчеркнул, что вы, Николай Иванович, и союзный центр медлите. В ответ на эти упреки Николай Иванович осыпал меня тоже упреками и говорит: “Вы всё говорите — действовать, действовать, а есть ли у вас кадры”. Я сказал, что эти кадры вы сами хорошо знаете, у нас они есть, и сказал о Матвееве, Котове, невском, есть молодежь, например, в Промакадемии, которая будет действовать, и что надо только, чтобы руководство было более решительным. Тогда Николай Иванович и говорит: “Ну что же, надо действовать, и для нас совершенно ясно, что Сталин сам не уйдет, его надо убрать”»¹³⁷. Изложив эти свои показания, Куликов обратился к Бухарину: «Так это было, Николай Иванович?» Бухарин с волнением выпалил в ответ: «Я обо всём скажу, обо всём» и замолчал.

После того, как Куликов был выслушан, Бухарину была предоставлена возможность ответить на его показания. Николай Иванович категорично отверг выдвинутое против него обвинение в том, что он призывал к террору против руководства ВКП (б). Но факт встречи с Куликовым на улице Герцена в мае 1932 года признал. Более

---

¹³⁶ Находясь в заключении, Е.Ф. Куликов, как следует из сохранившихся документов ГУЛАГа, 11 сентября 1943 г. умер.

¹³⁷ Протокол очной ставки между Н.И. Бухариным и Е.Ф. Куликовым в ЦК ВКП (б). 7 декабря 1936 г. // Декабрьский Пленум ЦК ВКП (б) 1936 года. Документы и материалы. М., 2017. С. 259.

того он признался и в том, что спрашивал у Куликова: «Где же у вас крепкие люди?»¹³⁸ И хотя Бухарин при этом подчеркнул, что никогда не произносил слово «террор», а говорил лишь о «твердых людях», он дал своим противникам основание задать ему весьма неприятные вопросы. Нарком внутренних дел Ежов спросил Бухарина: «В 1932 году ты счёл возможным вести с Куликовым разговор о том, что нужно действовать, нужны крепкие люди. Зачем они были нужны?»¹³⁹ Бухарин постарался уйти от ответа на этот коварный вопрос, но Ежов дважды его повторил. Вынужденный отвечать, Бухарин выдал из себя: «Я боялся, что если я скажу Куликову и другим о том, что мы совершенно обанкротились, они мне скажут: ага, и ринутся в противоположную сторону. Я хотел оставить какие-то верёвочки»¹⁴⁰. И тут же последовал новый вопрос Ежова: «Зачем тебе нужны были эти верёвочки?» «Они нужны были, — заговорил в ответ Бухарин, — для того, чтобы по возможности исправить людей... Я хотел привести всех их в лоно партии. Я боялся не того, что потеряю этих людей для себя, я боялся, что они будут потеряны для партии»¹⁴¹. Эти ответы Бухарина можно было бы назвать глупыми, если бы не трагичная нелепость ситуации, в которой он оказался...

Второе заседание Пленума ЦК ВКП (б) открылось, как и было намечено, 7 декабря, но не в назначенные 15.00, а лишь четыре часа спустя — в 19.00. Для сообщения по делу Бухарина и Рыкова от имени Политбюро слово было предоставлено секретарю ЦК И.В. Сталину. Он сказал, что перерыв между заседаниями члены Политбюро «использовали для того, чтобы присутствовать на очной ставке Бухарина и Рыкова с теми людьми, которые их оговорили»¹⁴². Сообщая о результатах очных ставок, Сталин отметил, что все показания Куликова, Сосновского и Пятакова относятся к периоду до 1932 года. По его словам, Куликов немного сбивался, когда заявлял, что «Бухарин ему сказал, что надо активизировать борьбу против партии, и неплохо было бы Сталина угробить. Но во время

---

¹³⁸ Там же. С. 267.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же. С. 270.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Стенограмма заседания Пленума ЦК ВКП (б). 4, 7 декабря 1936 г. С. 93.

перекрестных вопросов выступал Бухарин,..¹⁴³ — у нас получилось впечатление — не совсем точно то, что сообщает Куликов, и нуждается оно в проверке, во всяком случае. Сосновский более определённо говорит о Бухарине. Он был у Рыкова, с Рыковым у него не было политических разговоров, но с Бухариным у него был политический разговор. Они сошлись на том, что практика террора правильна. Бухарин категорически отрицает, они стали ругаться друг с другом. У нас впечатление получилось, что и это дело надо проверить. Нет такого впечатления, чтобы можно было начисто принять всё то, что нам сообщил Сосновский»¹⁴⁴.

О показаниях же Пятакова против Бухарина Сталин сказал следующее: «Насчёт террора он сообщает, что он рассказал об этом Бухарину. Бухарин не возражал, но молчаливо, видимо, соглашался. Бухарин наотрез отрицает какие бы то ни было политические разговоры с Пятаковым в 1932 году. У нас, у членов Политбюро... получилось впечатление такое, что не вполне заслуживает доверия сообщение Пятакова. Было такое время, когда Бухарин хотел сагитировать Пятакова и рассказал ему кое-что, а Пятаков взял да в ЦК сообщил. Но мало этого, кроме того, и Пятаков не очень настойчиво говорил об этом»¹⁴⁵.

Подобную характеристику Политбюро сочло необходимым дать и показаниям на А.И. Рыкова. «Общее сообщение о том, что он знал, что надо контактировать с группой правых, и что в центре группы правых были Бухарин, Томский, Рыков. Это такое общее сообщение, которое можно и сочинить, — сказал Сталин, выражая мнение членов Политбюро. — Всякому известно, кто такие правые, и кто был во главе. Ни в одном из показаний — я говорю о тех показаниях, которые мы сегодня имели, слушали, — нет указания насчёт того, что Рыков или Бухарин были бы связаны с какой-то террористической группой... Пятаков сказал, что насчёт Томского он не сомневается, что у него была связь с какой-то террористической группой; насчёт Бухарина и Рыкова он говорил только лишь о террористических разговорах. В

---

¹⁴³ Здесь в стенограмме приводится вопрос Сталина: «присутствует он здесь [?] и голоса в зале: «Присутствует».

¹⁴⁴ Стенограмма заседания Пленума ЦК ВКП (б). 4, 7 декабря 1936 г. С. 94.

¹⁴⁵ Там же.

связи с этим у нас создалось такое впечатление, что дело нельзя считать оконченным: оно нуждается в дальнейшей проверке. У нас складывалось такое мнение, что, не доверяя Бухарину и Рыкову в связи с тем, что стряслось в последнее время, может быть, их следовало бы вывести из состава ЦК. Возможно, что эта мера окажется недостаточной, возможно и то, что эта мера окажется слишком строгой. Поэтому мнение членов Политбюро сводится к следующему — считать вопрос о Рыкове и Бухарине незаконченным. Продолжить дальнейшую проверку и очную ставку, и отложить дело решением до следующего Пленума ЦК»¹⁴⁶.

Это предложение Политбюро было единогласно принято Пленумом ЦК ВКП (б). Вместе с тем было решено не объявлять о состоявшемся Пленуме в газетах. После этого члены ЦК также единодушно приняли предложение Политбюро считать законченным обсуждение дела Бухарина и Рыкова и Пленум закрыть.

Бухарин был обнадежен таким завершением Пленума и подошел к Сталину на разговор. «Коба! — сказал он. — Надо проверить работу НКВД, создать комиссию и расследовать, что там творится. До революции, во время революции и в тяжкие годы после ее совершения мы служили только революции. А теперь, когда трудности уже позади, ты веришь клеветническим показаниям? Хочешь выкинуть нас на грязную свалку истории? Опомнись, Коба! Сталин ответил безразличным тоном: «Ты что, хочешь сказать о своих прошлых заслугах, никто их у тебя не отнимает, но они же и у Троцкого были. Мало у кого было столько заслуг перед революцией, сколько было у Троцкого, между нами говоря»¹⁴⁷. Слова «между нами говоря» Сталин произнес дважды и в свойственной ему манере — с акцентом на «и», т.е. как «мижду нами говоря». При этом он произвольно погрозил кому-то указательным пальцем.

Дилетанту в политике Бухарину такая реакция гроссмейстера политических игр предвещала новые и еще более тяжкие испытания.

---

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Этот короткий разговор Н.И. Бухарина с И.В. Сталиным по завершении декабрьского пленума ЦК ВКП (б) 1936 г. привела в своих мемуарах вторая супруга Николая Ивановича Анна Ларина. Как она сама подчеркнула, она передала его «с максимальной точностью», как рассказывал сам Бухарин. См.: *Ларина-Бухарина А. Незабываемое*. М., 1989. С. 316.

Впрочем, он хорошо понимал, что означало обсуждение его дела в рамках Пленума ЦК ВКП (б). За несколько часов до открытия второго заседания Пленума Николай Иванович передал в секретариат ЦК обширное заявление для всех членов ЦК с изложением своих возражений против выдвинутых в отношении его на Пленуме обвинений¹⁴⁸. Оценивая свое положение не только с политической, но и юридической точки зрения, он писал: «Обвинения, выдвинутые против меня на Пленуме, представляются мне просто чудовищными по своему характеру. Но я хочу обратить внимание и на другие стороны дела. Что получается? По разъяснениям т. Кагановича выходит, что Пленум ставит вопрос не юридически, а политически. Из хода прений вытекает, что речь идет об общей политической оценке таких-то обвиняемых или подозреваемых, а дальше, после решения Пленума, последуют очные ставки, подробный анализ фактов и т. д. Что же такое политическая оценка с этой точки зрения? Она выражается в предложениях резолютивного характера: вывести из состава ЦК, исключить из партии, предать суду и т. д. Это есть (или что-либо другое, дискриминирующее) решение наивысшей партинстанции. Что же тогда остается на долю дальнейшего следствия? Ясно: оправдать во что бы то ни стало обязательное решение, обязательное для следователя, обязательное для судебного следователя, обязательное для судьи (если дело доходит до суда), обязательное – как это ни странно – даже для подсудимого, если он еще член партии. Не может следствие обелить того, кто политически очернен высшей партийной инстанцией»¹⁴⁹.

---

¹⁴⁸ В записке, сопровождавшей это заявление, Бухарин написал: «Дорогой тов. Сталин! Прошу приказать настоящее мое заявление пленуму ЦК ВКП(б) размножить и раздать на пленуме (или заранее разослать его участникам), а затем приложить к стенограмме пленума. С ком. прив. Н. Бухарин. 10 ч. утра, 7 дек. 1936 г. Москва» // АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 260. Л. 13)

¹⁴⁹ Заявление Н.И. Бухарина Пленуму ЦК ВКП (б) с просьбой объективной оценки его политической деятельности // Декабрьский Пленум ЦК ВКП (б) 1936 года. Документы и материалы. С. 254.